

ПОХОДЪ ПЬЕМОНТЦЕВЪ

ВЪ

УМБРИЮ И МАРХИЮ ВЪ 1860 ГОДУ. (*)

Событія, совершающіяся въ Италіи послѣ виллафранкскаго мира, слишкомъ намъ современны, чтобы судить о нихъ въ настоящую минуту: исторія произнесетъ свой приговоръ надъ мѣрами, употребленными для достиженія единства Италіи, и потому, описывая вторженіе пьемонтцевъ въ папскія владѣнія, мы взглянемъ на него преимущественно съ военной стороны.

Виллафранкскій миръ, заключенный 12-го іюля 1859 года, не улучшилъ положенія средней Италіи. Тоскана, Парма и Модена, изгнавшіе своихъ герцоговъ, должны были опять подпасть подъ ихъ власть съ условіемъ, что ни Пьемонтъ, ни Франція не употребятъ для того оружія. Слѣдовательно, это не иначе могло случиться, какъ если бы герцогства призвали сами своихъ прежнихъ правителей; но они весьма были далеки отъ такого желанія. Напротивъ, 16-го августа законодательное собраніе Тосканы объявило лотарингскій домъ лишеннымъ престола, а 20-го рѣшено было ея присоединеніе къ Пьемонту. Герцогство Моденское 20-го объявило эстскій домъ лишеннымъ престола, а 23-го рѣшило присоединеніе къ Пьемонту. Парма объявила 11-го сентября лишеніе престола Бурбоновъ, а 12-го— присоединеніе свое къ Пьемонту. Романья не замедлила послѣдовать ихъ примѣру: 6-го сентября она рѣшила уничтоженіе свѣтской власти папы и затѣмъ также присоединилась къ Пьемонту.

Папа, видя въ этомъ дѣйствіи нарушеніе своихъ правъ, и справедливо подозрѣвая виновникомъ сихъ событій Виктор-

(*) 1) *Relazione sulla campagna di guerra nell' Umbria e nelle Marche*, Fanti. 2) *Rapporto sulle operazioni del quarto corpo d'armata*, Cialdini. 3) *Relazione sulle operazioni del quarto corpo d'armata, della Rocca*. 4) *La croisade d'Italie en 1860, par le vicomte de la Vausserie*. 5) *La guerre italienne en 1860*, Rusowt.

Эммануила, возвратилъ посланнику его дела-Минерва вѣрительныя грамоты, вслѣдствіе чего дела-Минерва и оставилъ Римъ 8-го сентября.

Будучи слабымъ свѣтскимъ государемъ, папа пытался дѣйствовать сначала духовнымъ оружіемъ. Увѣщевая жителей Романьи, онъ грозилъ имъ, что, отдѣлившись изъ-подъ его власти, они теряютъ всякую надежду на спасеніе своихъ душъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая лишиться доходовъ, папа провелъ таможенную линію на южной границѣ этой провинціи отъ Каттолика до Меркато и тѣмъ какъ бы призналъ ея отдѣленіе. Затѣмъ въ Церковной области осталось до 600 квадратныхъ миль и немного болѣе 2,000,000 жителей.

Видя недѣйствительность духовнаго оружія, папа хотѣлъ просить помощи у короля неаполитанскаго, но предварительно желалъ узнать мнѣніе Наполеона, который совѣтовалъ ему воздержаться отъ нападенія на Романью, чтобы не усложнить вопросовъ, предназначенныхъ на рѣшеніе цюрихскаго конгресса. Несмотря на такое предостереженіе, папа отнесся къ Франциску II; но король неаполитанскій едва могъ собрать въ продолженіе цѣлаго сентября до 15,000 на границахъ римскихъ владѣній, чтобы служить резервомъ, когда папскія войска двинутся противъ Романьи. Францискъ II не предвидѣлъ, что войска эти не защитятъ и собственнаго его престола.

И духовное оружіе, и посторонняя помощь оказались недѣйствительными. Надо было подумать о собственныхъ средствахъ. Послѣ событій 1848—1849 годовъ, папская армія почти уничтожилась. Спустя нѣсколько лѣтъ, генералъ Монреаль, командовавшій французскими войсками въ Римѣ, занялся формированіемъ новой арміи, которой, кромѣ духа, онъ далъ все французское—и составъ, и ученье, и даже самыя мундиры.

Въ настоящее время, когда французскій окупаціонный корпусъ готовится оставить Римъ и папскія владѣнія будутъ предоставлены собственной защитѣ, подобно тому, какъ это было въ 1860 году, любопытно бросить взглядъ на составъ и духъ военныхъ силъ римскаго первосвященника, однимъ словомъ на *папскую армію*—название, которое, въ смыслѣ пренебреженія, такъ справедливо даютъ всякой неустроенной арміи.

Она состояла изъ 3,000 или 4,000 жандармовъ, двухъ полковъ пѣхоты и одного стрѣлковаго баталіона швейцарцевъ, двухъ полковъ и стрѣлковаго баталіона туземныхъ войскъ,

оставля драгунъ и четырехъ батарей артилеріи безъ ищиковъ, безъ лошадей и почти безъ орудій. Всего было до 12,000. При наступательномъ движеніи въ Романью, половину надо было оставить въ Умбрии и Мархи, гдѣ умы жителей находились въ тревожномъ состояніи.

Для усиленія папской арміи казалось лучшимъ средствомъ, сдѣлавъ воззваніе ко всему католическому міру, изъ всѣхъ его народностей набрать войска и ввѣрить начальствованіе надъ ними одному изъ искуснѣйшихъ генераловъ, хотя, по выраженію кардинала Антонелли, присутствіе одного французскаго баталіона защищало вѣрнѣ папскій престолъ, чѣмъ всѣ навербованныя арміи.

Рѣшившись собрать армію, надо было избрать полководца, который могъ бы дать ей надлежащую организацію и вести къ побѣдѣ. Свои генералы, Кальбермитены и Шмидты, казались неимѣющими военныхъ способностей и на кардинальскій взглядъ. Слава Ламорисьера была слишкомъ громка, чтобы на немъ первомъ не остановилось вниманіе папы. Маспара, Тлемсень, Константина, взятіе въ плѣнъ Абдель-Кадера говорили въ его пользу. Кардиналъ Мерода, посланный въ Парижъ сдѣлать предложеніе генералу Ламорисьеру, понималъ всю трудность своего порученія. Видя Мерода въ Парижѣ, у него спрашивали: „Вѣрно, вы хотите украсить чью-нибудь голову кардинальской шапкой?“ — „Ошибаетесь—отвѣчалъ онъ—я совершилъ подвигъ гораздо труднѣе: я нашелъ руку, достойную маршальскаго жезла.“

Не въ первый разъ Ламорисьера искали, какъ главнокомандующаго. Когда все предсказывало неизбежную войну сардинцевъ съ австрійцами, графъ Ламармора былъ посланъ въ Парижъ, à la recherche d'un général en chef, какъ онъ самъ выразился, рассказывая это обстоятельство. На сдѣланное предложеніе Ламорисьеръ отвѣчалъ: „О насъ болѣе думаютъ, нежели мы заслуживаемъ: мы никогда не имѣли въ своемъ распоряженіи болѣе дивизіи“.

При всей справедливости этого скромнаго замѣчанія, боевая жизнь Ламорисьера давала ему болѣе правъ предъ другими, и предложеніе Мерода не встрѣтило отказа. Ламорисьеръ, считая „дѣло папы дѣломъ Божиимъ“, принялъ начальство надъ папскими войсками.

Едва-ли одна увѣренность въ святости дѣла папы подвиг-

нула Ламорисьера принять на себя начальствованіе папскими войсками: въ этой рѣшимости, конечно, играла не послѣднюю роль перспектива военной карьеры и возможности современемъ помѣряться съ Наполеономъ. Съ своей стороны, Наполеонъ былъ втайнѣ доволенъ, предвидя, что Ламорисьеръ найдетъ въ Римѣ могилу своей славы, и безъ затрудненія далъ ему, какъ французскому подданному, позволеніе принять предложеніе Мериода. [Потомокъ старинной бретанской фамиліи, отличавшейся своими легитимистскими убѣжденіями, Христофоръ-Людовикъ Ламорисьеръ родился въ 1805 году, въ Нантѣ. Въ 1824 году онъ вступилъ въ политехническую школу и вышелъ оттуда подпоручикомъ, а въ 1843 году былъ уже генераломъ. Въ 1847 году ему сдана Абдель-Кадеръ. Въ 1848 году онъ былъ военнымъ министромъ республики—должность, которую онъ немедленно оставилъ, когда Людовикъ-Наполеонъ объявилъ себя президентомъ. Однакожь въ 1849 году Ламорисьеръ принялъ отъ него посольство въ Петербургъ. Потомъ, будучи вице-президентомъ законодательнаго корпуса, онъ явился самымъ рѣшительнымъ противникомъ политики Людовика-Наполеона. Во время государственнаго переворота 2-го декабря онъ былъ арестованъ, заключенъ сперва въ Гамбъ, а потомъ высланъ за границу. Принявъ впоследствии амнистію 1859 года, онъ возвратился во Францію.

Начальникомъ своего штаба Ламорисьеръ избралъ маркиза Пимодана, подполковника австрійской службы, давъ ему чинъ генерала. Настоящее назначеніе и геройская смерть Пимодана заставляютъ съ любопытствомъ бросить взглядъ на его жизнь. Дядя его, добровольно удалившійся изъ Франціи въ 1830 году, вмѣстѣ съ Карломъ X, взялъ съ собою Пимодана. Впослѣдствіи онъ служилъ въ австрійской арміи и отличился подъ начальствомъ Радецкаго—въ Италіи, Виндшигреца и бана Іелашича—въ Венгріи; но подполковникомъ оставилъ австрійскую службу, такъ какъ для дальнѣйшаго повышенія долженъ былъ бы сдѣлаться австрійскимъ подданнымъ. Въ 1855 году онъ женился на дѣвицѣ знаменитаго рода Монморанси, и едва услышалъ воззваніе папы, не поколебался разстаться съ молодой женой.

Прибывъ 26-го марта въ папскія владѣнія и осмотрѣвъ войска, Ламорисьеръ нашелъ ихъ ниже всего, что только могъ вообразить. Но онъ принесъ присягу папѣ и принялъ командованіе, отдавъ 9-го апрѣля слѣдующій приказъ:

Римъ, 9-го апрѣля 1860 года.

„Солдаты!

„Святой отецъ нашъ, папа Пій IX, удостоилъ поручить мнѣ защиту своихъ непризнаваемыхъ и угрожаемыхъ правъ, и я не поколебался ни на одно мгновение снова опоясать свой мечъ.

„При звукѣ голоса, который нѣкогда съ Ватикана возвѣщалъ объ опасности, въ которой находится наслѣдіе св. Петра, католики взволновались, и волненіе ихъ быстро распространилось отъ одного конца земли до другаго.

„Въ самомъ дѣлѣ, христіанство есть не только религія образованнаго міра, но оно есть основаніе и жизнь просвѣщенія съ того времени, какъ папство сдѣлалось средоточіемъ христіанства. Всѣ христіанскіе народы показываютъ теперь, что они сознаютъ великія истины, составляющія нашу вѣру.

„Революція, какъ древле исламизмъ, угрожаетъ нынѣ Европѣ, и теперь, какъ и тогда, дѣло папства есть дѣло просвѣщенія и свободы міра.

„Солдаты! вѣрьте, что Богъ поддержитъ нашу храбрость и возвыситъ ее наравнѣ съ великостію дѣла, ввѣреннаго защитѣ нашего оружія.“

„ГЕНЕРАЛЬ ЛАМОРИСЬЕРА“.

Воззваніе папы и имя Ламорисьера, базалось, должны были бы собрать толпы защитниковъ со всего католическаго міра; но послѣдствія не оправдали ожиданій. Болѣе всего надѣялись набрать волонтеровъ изъ ирландцевъ — ихъ прибыло 2,000, оборванныхъ и голодныхъ. По недостатку времени и средствъ, ихъ одѣли въ старые французскіе мундиры, перемѣнивъ только пуговицы. Какъ французскіе солдаты ростомъ вообще похваляться не могутъ, а ирландцы были всѣ рослые люди, то мундиры, оказавшись узкими и короткими, придавали имъ смѣшной видъ, и на ирландскихъ воиновъ сыпались насмѣшки, возбудившія ихъ первое неудовольствіе. Дурная пища вывела ирландцевъ совершенно изъ терпѣнія: они взбунтовались и заперлись въ казармахъ. Ночью они были атакованы, обезоружены и отправлены обратно въ Ирландію. Проходя мимо Генуи, они изъявили желаніе вступить въ службу къ Гарибальди: ясно, что не опасность, угрожавшая папѣ, не ревность къ защитѣ правъ главы церкви привлекли ирландцевъ въ Римъ.

Распущеніе швейцарскихъ полковъ и уменьшеніе войскъ послѣ виллафранкескаго мира въ Австріи дали возможность за-

вербовать большое число швейцарцевъ и австрійцевъ въ папскую армію. Но все это весьма незначительно увеличивало ея численность, терпѣвшую отъ безпрестанныхъ побѣговъ, частью вслѣдствіе дурнаго содержанія, частью оттого, что многіе поступили въ римскую армію съ тѣмъ, чтобы получить лишь премію, выдававшуюся при вступленіи въ ея ряды.

Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, съ марта до сентября, когда разыгралась кровавая драма, которую мы описываемъ, Ламорисьеръ успѣлъ сформировать для усиленія папской арміи:

Полбаталіона папскихъ зуавовъ, куда поступило много французовъ съ громкими именами. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ молоды, что пріѣхали со своими родителями и гувернерами.

Четыре съ половиною баталіона австрійцевъ; баталіонъ ирландцевъ св. Патрика; эскадронъ легкой кавалеріи (австрійцы); эскадронъ драгунъ и полсотни конныхъ волонтеровъ.

Принимая въ расчетъ бѣглыхъ, едва ли прежнее число, 12,000, увеличилось тремя или четырьмя тысячами.

Артилерія сдѣлала наиболѣе успѣховъ: въ ней считалось 30 запряженныхъ орудій.

Разноплеменный составъ войскъ былъ причиною многихъ недоразумѣній. Одно изъ нихъ, которое мы расскажемъ, обрисуетъ ихъ характеръ.

Формированіе и обученіе кавалеріи было поручено австрійскому офицеру, графу Пальфи. Какъ у него находились въ командѣ большею частью австрійцы, то онъ употреблялъ палки въ числѣ исправительныхъ наказаній. Начальникъ его, генераль Грегорио, державшійся въ отношеніи взысканій французской системы, за употребленіе такого наказанія арестовалъ графа Пальфи на 10 дней. Съ французской точки зрѣнія такой арестъ принимается весьма равнодушно, но графъ Пальфи смотрѣлъ на него какъ австріецъ, счелъ себя обезчещеннымъ и застрѣлся.

Хотя Пальфи былъ самоубійца, однако папа приказалъ похоронить его со всѣми почестями; тѣмъ не менѣе, плачевный фактъ—плодъ недоразумѣній—совершился.

Армія Ламорисьера состояла изъ 17 баталіоновъ, 5½ эскадроновъ и 34 орудій, да сверхъ того въ гарнизонѣ Анконы было до трехъ баталіоновъ съ малочисленною артилеріею. Въ баталіонахъ считалось по 600 человекъ. Только пять баталіоновъ имѣли ружья нарѣзныя трехъ различныхъ системъ, прочіе же

гладкоствольныя. Что касается духа, одушевлявшаго войско, то не о томъ уже надо было думать, будутъ ли драться туземныя войска хорошо, но не перейдутъ ли они къ неприятелю; въ отношеніи иностранныхъ полковъ надѣялись, что, послѣ побѣговъ изъ нихъ въ большихъ размѣрахъ, остальные солдаты будутъ драться хорошо.

Ламорисьеръ, при самомъ началѣ, опасался нападенія съ сѣвера, не отъ пьемонтцевъ (этого онъ и не предполагалъ), а отъ гарибальдійцевъ, которые собирались въ Генуѣ подъ названіемъ экспедиціи *Терра-Нова*, по имени гавани на островѣ Сардиніи, гдѣ пьемонтское правительство позволило имъ собраться; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это названіе дѣлало намекъ, что они высадятся на новую землю, т. е. тамъ, гдѣ еще не бывали. Даже было извѣстно, что они поклялись идти только въ папскія владѣнія. Однажды дали знать, что на границѣ Тосканы появились красныя рубашки. Начали собирать на скорую руку отрядъ. Только что сформированная батарея и эскадронъ жандармовъ были скоро готовы; пѣхоту набрали изъ тѣхъ людей, которые въ это время обмундировывались, и начальство надъ нею поручили офицеру, завѣдывавшему швальнею, несмотря на его вполне резонный отказъ, что онъ по тучности не можетъ двигаться. Но тревога была напрасная: экспедиція высадилась въ Сициліи, а небольшая партія, показавшаяся на границѣ и занявшая деревню Гроте, была разбѣяна эскадрономъ жандармовъ подъ командою Пимодана.

Высадка Гарибальди въ Неаполитанское королевство побудила Ламорисьера обратить главное вниманіе на защиту южной границы и занять болѣе важныя пункты, въ которыхъ онъ надѣялся держаться противъ сборищъ Гарибальди; поэтому онъ расположилъ войска нѣсколько разбросанно, чего бы онъ, конечно, не сдѣлалъ, если бы ожидалъ нападенія со стороны пьемонтцевъ.

Въ *Фолиньо*, подъ начальствомъ генерала Шмидта, были поставлены 2 баталіона туземныхъ, 2 иностранныхъ, 2 эскадрона жандармовъ и 6 орудій.

Въ *Терми*, подъ начальствомъ генерала Пимодана, два баталіона туземныхъ, изъ нихъ одинъ стрѣлковый, одинъ баталіонъ берсальери (австрійцы), одинъ баталіонъ карабинеръ (швейцарцы), полбаталіона зуавовъ, 2 эскадрона легкой кавалеріи и 6 орудій.

Въ *Мачератъ*, подъ начальствомъ генерала Куртена, 2½ баталіона берсальери (австрійцы), полкъ туземный, эскадронъ жандармовъ и двѣ батареи. Куртену предписано было, въ случаѣ нужды, поддержать Анкону.

Въ *Сполето*, подъ начальствомъ полковника Кропта, полкъ иностранный, конные волонтеры и шесть орудій составляли резервъ и находились въ особомъ распоряженіи Ламорисьера.

Впрочемъ, безъ сомнѣнія, Ламорисьеръ имѣлъ въ виду, въ случаѣ нападенія съ сѣвера, стянуть свои войска или въ Умбрію, или въ Мархію. Доказательствомъ тому служатъ маневры, которыя онъ производилъ войскамъ, собирая ихъ то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ.

Дипломатическія сношенія продолжали поддерживать Ламорисьера въ убѣжденіи, что ему нечего бояться со стороны Пьемонта. Военный министръ увѣдомлялъ его, что французское посольство извѣщено, что Наполеонъ воспрепятствуетъ силою вторженію пьемонтцевъ. Чтобы отвлечь вниманіе Ламорисьера отъ настоящаго пункта атаки, въ юго-западной части папскихъ владѣній, въ Фросинонѣ и Чепрано, произвели возмущеніе, куда и былъ посланъ сильный отрядъ; сверхъ того, распускали слухъ, что гарибальдійцы хотятъ вторгнуться чрезъ Рieti. Желая заставить Ламорисьера растянуть еще болѣе войска, пьемонтцы, готовясь войти въ папскія владѣнія, направили волонтеровъ одновременно въ Умбрію и Мархію, гдѣ они овладѣли городами Читта-делла-Пиеве и Фоссомброне. Этотъ маневръ удался какъ нельзя лучше: Ламорисьеръ, получивъ 9-го сентября извѣстіе объ успѣхахъ волонтеровъ, оставилъ намѣреніе сосредоточить свою армію, но приказалъ генералу Куртену двинуться изъ Мачераты въ Фоссомброне, а генералу Шмидту, съ двумя баталіонами и съ двумя орудіями, изъ Фолиньо въ Читта-делла-Пиеве. Генералъ Шмидтъ, прибывъ 10-го сентября въ делла-Пиеве, не засталъ тамъ волонтеровъ, далъ отдохнуть войскамъ, а 12-го узналъ, что волонтеры уже завладѣли городомъ Орвіето (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ получилъ извѣстіе, что не волонтеры, а регулярныя пьемонтскія войска овладѣли Читта-ди-Кастелло и угрожали Перузь.

(*) Волонтеры, атаковавшіе Орвіето, не имѣли артилеріи. Окруженная превосходящими стѣнами, на отдаленной высотѣ, она могла бы держаться долѣе, и если бы только началась перестрѣлка и одинъ въ гарнизонѣ былъ раненъ, бѣгство было подято.

Между Орвието и Перузою выборъ былъ не труденъ: съ разсвѣтомъ 14-го числа Шмидтъ двинулся обратно, чтобы прикрыть Перузу и быть ближе къ Ламорисьеру. Куртень, двинувшись къ Фоссомброне, также узналъ 11-го о вторженіи пьемонтцевъ и отошелъ къ Анконѣ.

Покореніе Сициліи и быстрое движеніе Гарибальди къ Неаполю побудили графа Кавура не оставаться равнодушнымъ зрителемъ совершающихся событій и всю славу освобожденія Италіи предоставить Гарибальди. Онъ рѣшился напасть на папскія владѣнія и чрезъ нихъ проникнуть въ Неаполитанское королевство, какое бы положеніе въ то время дѣла ни приняли: въ случаѣ пораженія Гарибальди—на помощь ему; въ случаѣ, если бы Францискъ II долженъ былъ оставить свою столицу—то для водворенія въ ней порядка.

Высадка пьемонтскихъ войскъ прямо въ Неаполь могла бы повести къ столкновенію съ волонтерами Гарибальди, тогда какъ, двигаясь одни съ сѣвера, другіе съ юга, они встрѣтились бы, совершивъ со славою каждый свой подвигъ.

Вознамѣрившись напасть на папскія владѣнія, король Викторъ-Эммануилъ сосредоточилъ сильный корпусъ на Минчіо, на случай, если бы Австрія рѣшилась воспрепятствовать исполненію плана. Къ императору французомъ были посланы Фарини и Чальдини для переговоровъ по этому предмету. Считаая выгоднѣйшимъ, чтобы во главѣ движенія сталъ Викторъ-Эммануилъ, нежели Гарибальди и партія Мадзини, Наполеонъ согласился на вторженіе, но требовалъ, чтобы папа былъ оставленъ въ покоѣ.

Трудно было помирить вторженіе въ папскія владѣнія съ условіемъ оставленія въ покоѣ главы государства; но пьемонтское правительство растолковало это условіе по своему желанію, т. е. что войска могутъ войти въ папскія владѣнія всюду, исключая мѣстъ, занятыхъ французами.

Лишь только Фарини возвратился въ Туринъ, какъ началось сосредоточеніе четырехъ съ половиною дивизій пьемонтской арміи, частію въ Тосканѣ и частію въ Романьи, на границахъ папскихъ владѣній. Оставалось только найти причину, Ее такъ же легко было найти пьемонтцамъ, какъ и волю для обвиненія ягненка. Сборъ волонтеровъ со всего католическаго міра беспокоилъ пьемонтское правительство: оно видѣло въ этомъ

иноземное вѣдѣтельство, и потому поребовало отъ папы немедленнаго роспуска волонтеровъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, вступленіемъ пьемонтцевъ въ его владѣнія.

Съ требованіемъ объ обезоруженіи и распущеніи папскихъ иностранныхъ войскъ, съ угрозою вступленія пьемонтскихъ войскъ въ случаѣ неисполненія былъ посланъ 8-го сентября делла-Минерва, тотъ самый, которому папа приказалъ выѣхать послѣ присоединенія Романьи къ Пьемонту. Отправленіе того же самаго посланника было какъ бы личной обидой папѣ. Онъ не позволилъ ему оставить Чивитта-Веккю, такъ что делла-Минерва долженъ былъ отправить въ Римъ, 10-го сентября, курьера. Для отвѣта было дано 24 часа.

11 числа кардиналъ Антонелли отвѣчалъ, что правительство пьемонтское напрасно возстаеъ противъ права папы имѣть наемныя войска, права, которымъ могутъ пользоваться всѣ государства въ Европѣ, котораго у него никогда не оспаривали и на которое онъ имѣетъ еще большее право, какъ духовный пастырь не только Италіи, но и всего католическаго міра.

Въ тотъ же самый день, 10-го сентября, когда делла-Минерва прибылъ въ Чивитта-Веккю, къ Ламорисьеру явился капитанъ Фарини съ письмомъ отъ генерала Фанти, извѣщавшаго его, что онъ получилъ приказаніе отъ короля немедленно вступить въ Умбрію и Маркю, если иностранныя войска будутъ употреблены для подавленія національнаго движенія, въ которомъ-нибудь изъ городовъ этихъ провинцій, и требовалъ, чтобы были очищены всѣ тѣ мѣстности, гдѣ жители изъявляютъ желаніе быть подъ скипетромъ Виктора-Эммануила.

Тогда только, хотя нѣсколько поздно, Ламорисьеръ увидѣлъ, что настоящая опасность грозила съ сѣвера. Желая выиграть время, онъ удержалъ Фарини, говоря, что, не будучи уполномоченъ отвѣчать на подобныя требованія, онъ препроводитъ ихъ въ Римъ; но Фанти, 10-го же числа, вечеромъ, отозвалъ своего адъютанта.

Посольство делла-Минерва въ Римъ и порученіе капитана Фарини къ Ламорисьеру были средствомъ для соблюденія, хотя немного, приличія, ибо о вступленіи пьемонтскихъ войскъ въ папскія владѣнія, въ ночь съ 10-го на 11-е, приказаніе уже было отдано. Кавуръ рассчитывалъ, что делла-Минерва выѣхалъ 7-го изъ Генуи на пароходѣ, а 10-го долженъ былъ получить отвѣтъ. Но онъ рассчитывалъ только на благоприят-

ныя условия плаванія; между тѣмъ, буря позволила дельла-Минерва только 10-го высадиться въ Чивитта-Веккиа. Впрочемъ, въ отрицательномъ отвѣтѣ были увѣраны, и его желали. Всѣ приготовления къ открытію кампаніи уже были сдѣланы. Еще 5-го сентября осадный паркъ изъ 24 орудій посаженъ былъ на суда въ Генуѣ, для отправленія въ Анкону. 4-й корпусъ, подъ командою генерала Чальдини, находившійся въ Романьи, занялъ 9-го сентября границу Маркіи по линіи Товулино, ивѣя свои дивизіи въ Каттолигъ (4-ю), въ Джованни (7-ю) и Салудеччо (13-ю). 5-й корпусъ, подъ командою генерала дельла-Рокка, находившійся въ Тосканскомъ герцогствѣ, расположился на границѣ Умбріи, около Борго-Санъ-Сеполхро и Арцео, ивѣя въ послѣднемъ свою главную квартиру (*).

Трудно представить себѣ совершенное невѣдѣніе Ламорисьера о томъ, что пьемонтскія войска въ большихъ силахъ приближались къ границѣ. Это можно объяснить развѣ только тѣмъ, что Ламорисьеръ не могъ имѣть шпионовъ, по общей ненависти ко всему папскому. Потомъ волонтеры, появившіеся со всѣхъ сторонъ, овладѣвавшіе то однимъ, то другимъ пунктомъ, исполняя роль нашихъ казаковъ, заставили Ламорисьера разбросать и безъ того уже разединенныя силы. Но положеніе дѣла выяснилось съ поражающею неожиданностію, и Ламорисьеру надо было на что-нибудь рѣшиться. Онъ могъ или стянуть свои силы къ Риму и тамъ ожидать непріятеля, но этимъ онъ исполнилъ бы требованія Фанти; онъ могъ ожидать въ пунктахъ, занятыхъ войсками въ Мачератѣ, Фолиньо, Сполетѣ и Терни, атаки пьемонтцевъ, но эти пункты хороши были только противъ шаекъ, а не противъ регулярныхъ войскъ. Наконецъ онъ могъ собрать часть своихъ войскъ и съ ними идти, въ случаѣ нужды пробиваясь сивозъ непріятеля, въ Анкону, гдѣ могъ надежнѣе держаться со своими плохими солдатами. Онъ рѣшился на послѣднее, болѣе сообразное съ его храбростію и предприимчивостію. Употребивъ 11-е число на необходимыя приготовления, 12-го, утромъ, онъ выступилъ изъ Сполеты, приказавъ Пимодану въ тотъ же день выйти изъ Терни и слѣдовать за нимъ въ одномъ переходѣ. Столкновение съ пьемонтцами было неизбежно.

(*) Пьемонтская дивизія на военномъ положеніи считалась въ 12,000, что составило бы для войскъ, состоявшихъ подъ командою Фанти, 54,000, но наличное число доходило только до 45,000.

бралось около города и 13-го продолжало движение. 14-го утромъ, генералъ ди-Сонна, командовавший авангардомъ, долженъ былъ атаковать Перузу.

Въ то время, когда Сонна приближался къ Перузѣ, генералъ Шмидтъ возвращался туда изъ Читта-делла-Пиаве и успѣлъ занять городъ. Перуза лежитъ на холмѣ и окружена прочными стѣнами.

Пьемонтцы храбро пошли на приступъ. Саперы разломали ворота, войска ворвались въ городъ, и сраженіе завязалось въ улицахъ. Сонна, желая избѣжать дальнѣйшаго кровопролитія, пошелъ въ переговоры съ Шмидтомъ, пославъ сказать, что генералъ Фанти приближается съ главными силами. Шмидтъ требовалъ перемирія и возвращенія ему городскихъ воротъ, занятыхъ пьемонтцами. Въ отвѣтъ на это, войска Сонна подошли и окружили городъ со всѣхъ сторонъ. Тогда генералъ Шмидтъ сдался со всѣмъ гарнизономъ: 1,800 военнопленныхъ, 1,200 ружей и шесть пушекъ достались побѣдителямъ.

15-го, делла-Рокка овладѣлъ Фолиньо, послѣ незначительнаго сопротивленія, взявъ въ плѣнъ 300 человекъ. Здѣсь положительно узнали, что Ламорисьеръ двинулся по направленію къ Анконѣ.

Ламорисьеръ прошелъ изъ Сполето чрезъ Фолиньо 13-го, съ однимъ баталіономъ 1-го иностраннаго полка, пятью ротами перваго линейнаго полка, ротою ирландцевъ, восемью орудіями и конными волонтерами. Въ Фолиньо къ нему присоединился участвовавшій изъ отряда Шмидта 2-й баталіонъ иностраннаго полка. 15-го, Ламорисьеръ, перейдя Апеннины чрезъ Кольфиорито, прибылъ въ Мачерату чрезъ Толентино. За нимъ следовалъ въ одномъ переходѣ, какъ мы сказали, генералъ Пимоданъ, съ 4½ баталіонами пѣхоты, 300 конницы и 8 орудіями.

Генералъ делла-Рокка послалъ въ Сполето отрядъ подъ начальствомъ генерала Бриньоне, который и овладѣлъ этимъ городомъ, взявъ въ плѣнъ 800 человекъ, съ 27 офицерами и тремя орудіями, а самъ направился вслѣдъ за Ламорисьеромъ: Какъ обозъ Ламорисьера двигался на волахъ, то кавалерія была бы очень полезна, чтобы догнать и тѣснить аріергардъ; но делла-Рокка отправилъ ее въ Сполето. Взятію этого города придавали большую важность: паденіе Сполето — доносилъ делла-Рокка — запечатлѣло умиротвореніе Умбріи.

Обратимся къ лѣвой колоннѣ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е, генералъ Чальдини получилъ телеграмму, извѣщавшую его, что папа не принялъ ультиматума. Тотчасъ отдано было приказаніе, чтобы утромъ 11-го числа войска двинулись: 13-я дивизія изъ Салудеччо чрезъ Урбино въ Фоссомброне, 7-я изъ Джовани въ Фано и 4-я съ резервомъ, составленнымъ изъ трехъ баталіоновъ берсальери (7-го, 11-го и 26-го), трехъ полковъ кавалеріи съ конною артилеріей и бригады тяжелой артилеріи, подъ личнымъ начальствомъ генерала Чальдини, на Пезаро (*).

Движеніе это имѣло цѣлю однимъ отрядомъ атаковать Пезаро, а другими уничтожить возможность отступленія находившемуся тамъ нѣмецкому полку.

Предъ открытіемъ дѣйствій, Чальдини отдалъ слѣдующій приказъ:

„Солдаты 4-го корпуса!

„Я веду васъ противъ шайки иноземцевъ, которыхъ жажда золота и грабежа привела въ нашу страну.

„Сражайтесь, разсѣйте неумолимо этихъ презрѣнныхъ наемниковъ, да рука ваша дастъ имъ почувствовать гнѣвъ народа, который ищетъ своей независимости.

„Солдаты! Перуза требуетъ мщенія, и хотя поздно, но она его получитъ.“

„Командиръ 4-го корпуса Ч а л ь д и н и“.

Чтобы воспользоваться всею неожиданностію вторженія, генералъ Чальдини отрядилъ впередъ два уланскихъ полка, Виктора-Эммануила и Новарскій, съ конною артилеріей, подъ командою генерала Грифини.

Пройдя 10 верстъ на рысяхъ, генералъ Грифини окружилъ Пезаро и потребовалъ безусловной сдачи. Вслѣдъ за отказомъ, артилерія открыла огонь по риминскимъ и капуцинскимъ воротамъ. Вскорѣ подоспѣли берсальери, взяли приступомъ капуцинскія ворота, и пьемонтцы вошли въ городъ.

Кардиналъ Белла съ гарнизономъ заперся въ цитадели.

Фортъ Пезаро построенъ большимъ четырехугольникомъ, съ башнями по угламъ, окруженъ рвомъ и вооруженъ тремя пушками большаго калибра, размѣщенными такъ, что онѣ могли обстрѣливать городъ. Прорѣзанныя въ стѣнахъ бойницы позволяли производить сильный ружейный огонь. Улицы чрезъ го-

(*) Каждая пьемонтская дивизія состояла изъ двухъ бригадъ пѣхоты, двухъ баталіоновъ берсальери, двухъ батарей и роты саперъ.

родъ, по направленію къ Фано, проходятъ подъ самыми стѣнами укрѣпленія.

Чтобы съ выгодною дѣйствовать противъ форта, надо было поставить артилерію на возвышеніе, находящееся на дорогѣ въ Фано; а какъ дорога пролегла подъ самыми стѣнами укрѣпленія, то съ большими затрудненіями артилерія была проведена по пашнямъ и поставлена на позиціи.

Темнота ночи заставила прекратить едва начавшійся огонь, изъ опасенія нанести вредъ жителямъ; но стрѣльба изъ форта ружейная и картечью не прекращалась.

Съ разсвѣтомъ 12-го, батарея опять открыла огонь, и въ три часа пополудни въ фортъ подняли бѣлое знамя.

Какъ гарнизонъ требовалъ военныхъ почестей, то огонь былъ опять возобновленъ, и чрезъ 20 минутъ послѣ того фортъ сдался безусловно.

Все это заняло много времени, и генералъ Чальдини только ночью достигъ Фано съ 4-ю дивизіею и резервомъ.

Дурныя проселочныя дороги, по которымъ шла 7-я дивизія изъ Джовани, задержали ее и заставили расположиться, 12-го, вечеромъ, не доходя нѣсколько миль до Фано, которымъ она овладѣла, по приказанію Чальдини, на другой день.

13-я дивизія продолжала движеніе къ Губбіо для связи между колоннами. Того же числа Чальдини достигъ Синигалии, гдѣ остался на цѣлый день, чтобы дать стаяться войскамъ, обозу и парку, которые прибыли 14-го (*).

Здѣсь онъ получилъ свѣдѣніе отъ Фанти, что Ламорисьеръ проходитъ чрезъ Фолиньо со всѣми силами, которыя успѣлъ онъ собрать, и направляется на Анкону.

Ночью Чальдини получилъ свѣдѣніе, что Ламорисьеръ форсированнымъ маршемъ направляется къ Анконѣ съ 3,000 или 4,000, и что въ одномъ переходѣ за нимъ идетъ Пимоданъ

(*) Названія городовъ Пезара, Фано, Синигалия невольно припоминаютъ, какъ въ 1799 году вице-адмиралъ Пустошкинъ, находившійся съ соединенною російско-турецкою эскадрою для блокады Анконы, узнавъ, что жители, ободренные близостию русскихъ, явно вооружались противъ французовъ, подошелъ къ Пезарѣ и высадилъ тамъ 600 человекъ русскихъ. Идя по берегу моря, они 14-го мая вытѣснили французовъ изъ Фано, а 15-го изъ Синигалии. По обстоятельствамъ войны, эскадра Пустошкина была отозвана, а въ іюнѣ, подъ командою капитана 2-го ранга графа Волковича, новая эскадра бросила якорь у Пезаро, русскіе ею вступили въ Фано и 21-го іюля отняли у французовъ Синигалию.

Немного болѣе полувѣка прошло послѣ этихъ событій, а какъ измѣнились отношенія между народами!

съ 5,000 или 6,000. Носился слухъ, что въ эту ночь Ламорисьеръ вочуетъ въ Мачератъ.

Извѣстiе это чрезвычайно встревожило Чальдини: если Ламорисьеръ уже былъ въ Мачератъ, то становилось невозможнымъ загородить ему дорогу въ Анкону. Но мы видѣли, что Ламорисьеръ прибылъ въ Мачерату только 15-го.

Конечно, и въ томъ предположенiи, что Ламорисьеръ уже въ Мачератъ, Чальдини могъ изъ Синегалии направиться прямо въ Лорето и оттуда занять двѣ дороги, ведущiя изъ Мачераты на Анкону чрезъ Осимо и Кастельфидардо; но онъ не рѣшался предпринять фланговое движенiе въ такой близости отъ крѣпости, которой гарнизонъ считалъ сильнѣе, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Движенiе это было бы не безопасно; притомъ, требуя по существу своему быстроты, съ большимъ количествомъ тяжестей и по весьма гористой мѣстности, оно представлялось почти невозможнымъ. Сверхъ того, для прикрытiя пути сообщенiя, надо было бы оставить часть отряда.

При успѣхѣ даже фланговаго движенiя, Чальдини долженъ былъ расположиться такъ близко отъ крѣпости, что гарнизонъ ея, услышавъ пальбу, могъ менѣе чѣмъ въ два часа содѣйствовать войскамъ Ламорисьера и поставить Чальдини между двухъ огней.

Но, не преградивъ дороги Ламорисьеру, Чальдини не исполнилъ бы своего назначенiя и задачи всей двухнедѣльной кампанiи. Онъ утѣшалъ себя мыслію, что форсированное движенiе должно было утомить войска Ламорисьера, что съ однимъ своимъ отрядомъ Ламорисьеръ не рѣшится дать сраженiе и будетъ дожидаться Пимодана, слѣдующаго въ одномъ переходѣ, или въ Реканати, или въ Лорето. Тогда Чальдини могъ бы успѣть стать между Ламорисьеромъ и Анконой.

Всякая минута была дорога; надо было дѣйствовать. Для фланговаго движенiя, Чальдини избралъ долины рѣкъ Мизы и Есино; по первой, болѣе удаленной отъ крѣпости, направилась, на разсвѣтъ 15-го, 4-я дивизiя съ обозомъ, по долинкѣ же Есино двинулся самъ Чальдини съ 7-ю дивизiей и резервомъ совершенно налегкѣ. Та и другая дивизiи направлялись въ Ееси, чтобы оставить тамъ обозы съ небольшимъ отрядомъ, который бы тамъ укрѣпился, чему много способствовало мѣстоположенiе, а отдаленность отъ Анконы ставила внѣ опасности быть атакованнымъ гарнизономъ. У Кiаравалле Чальдини остано-

вился, опасаясь какого-нибудь покушенія изъ крѣпости, и послалъ отряды для рекогносцировки по направленію на Фальконару, Кастель-Феретти и даже до Камерино.

Придя въ Иеси, Чальдини тотчасъ же отрядилъ бригаду Комо (генерала Куджа) (*) съ баталіономъ берсалъери и батареею занять позицію при Торре-ди-Иеси, гдѣ соединяются двѣ дороги: одна—ведущая изъ Филотрано въ Мачерату, другая—черезъ Осимо въ Анкону. Эта важная позиція обезпечивала свободный входъ въ долину Музоне, гдѣ на другой день Чальдини открылъ движеніе непріятеля.

Въ Иеси войска пришли поздно вечеромъ, измученныя труднымъ маршемъ по дурнымъ дорогамъ. Обозъ съ продовольствіемъ прибылъ только на другой день. Иеси и Кіаравалле доставили жизненные потребности, но далеко недостаточно.

Необходимо было дожидаться и обозовъ, и парковъ, и дать отдохнуть войскамъ; но еще необходимѣе было занять Осимо и Кастельфидардо прежде Ламорисьера.

При такомъ затруднительномъ положеніи, Чальдини получилъ извѣстіе, что Ламорисьеръ пришелъ въ Мачерату и на другой день, 16-го, располагаетъ продолжать движеніе въ Анкону, и что Пимоданъ 16-го, вечеромъ, будетъ въ Мачератѣ.

Для движенія изъ Мачераты въ Анкону Ламорисьеръ могъ избрать одну изъ трехъ дорогъ. Первая, самая ближайшая къ расположенію войскъ Чальдини и самая кратчайшая, вела прямо черезъ горы Кассіано и Фано въ Осимо. Дорога эта, конечно, была наиболѣе выгодная для Ламорисьера: сдѣлавъ нѣкоторое усиліе, онъ могъ къ ночи пройти въ Осимо, и тогда уже не встрѣтилъ бы препятствій, чтобы достигнуть Анконы. Вторая дорога, долиною Потенцы черезъ Реканати и Кастельфидардо, болѣе длинная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе удаленная отъ непріятеля, и наконецъ третья, еще болѣе безопасная отъ нападенія, но и дальнѣйшая, долиною Потенцы до самаго берега моря черезъ портъ Реканати и Лорето.

Чальдини, чтобы заставить Ламорисьера избрать дальнѣйшій путь, употребилъ простую военную хитрость, которая болѣею частію чѣмъ проще, тѣмъ чаще удаются. Эскад-

(*) Куджа пріѣзжалъ, во время коронаціи Государя Императора, въ Москву въ штабъ; его выдвинулъ, какъ и многихъ другихъ военныхъ, 1859 годъ. Чальдини сказалъ мнѣ: „послѣ 59 года, мы и не замѣтили, какъ изъ дивизионныхъ начальниковъ сдѣлались корпусными командирами“.

ронъ уланъ былъ отправленъ въ Филотрано. Прибывъ туда ночью съ большимъ шумомъ, эскадронный командиръ приказалъ заготовить на завтра 24,000 раціоновъ хлѣба для выдачи войскамъ при ихъ движеніи чрезъ Филотрано въ Мачерату. Хитрость удалась. Ламорисьеръ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, рѣшился направиться въ Анкону по самой дальней дорогѣ, долиною Потенцы, чрезъ портъ Реканати и Лорето. Но были и другія обстоятельства, побудившія Ламорисьера избрать эту дорогу. Въ Мачератѣ онъ узналъ, что пьемонтцы заняли уже Теси и выдвинули свой авангардъ по направленію къ Мачератѣ въ Торре-ди-Теси. Для него было очевидно, что онъ находился въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ непріателемъ. Онъ могъ продолжать движеніе на Осимо, не ожидая Пимодана; но было ясно, что если онъ не дождется его въ Мачератѣ, то пьемонтцы, находившіеся въ такомъ близкомъ разстояніи, не позволятъ имъ соединиться и уничтожатъ отрядъ Пимодана. Ожидать значило быть навѣрно отрѣзаннымъ отъ Анконы. Одинъ путь, казалось, давалъ Ламорисьеру возможность продолжать движеніе, не ожидая Пимодана и не подвергая ни его, ни себя опасности: это—избратъ самую отдаленную дорогу отъ непріятеля, ведущую, какъ мы сказали, къ морю долиною Потенцы. Кромѣ того, слѣдующее особенное обстоятельство заставило Ламорисьера рѣшиться предпочесть этотъ путь. Еще весною 1860 года 500,000 франковъ было послано въ Анкону съ тѣмъ, чтобы они были израсходованы только въ самой крайней необходимости, отнюдь не для текущихъ нуждъ гарнизона. Но, новидимому, комендантъ крѣпости не раздѣлялъ этого мнѣнія: деньги были растрчены самымъ безсовѣстнымъ образомъ, и когда сдѣлалось почти несомнѣннымъ, что пьемонтцы вступятъ въ папскія владѣнія, комендантъ увидѣлъ, что ничего не предпринято для обезпеченія продовольствіемъ крѣпости, и просилъ у Мерода необходимой для этого суммы, прибавляя, что отъ 500,000 франковъ не осталось ни одного сантима. Въ то же время и Ламорисьеръ просилъ наличныхъ денегъ, для продовольствія войскъ, двигавшихся въ Анкону. И тѣ и другія деньги были препровождены къ Ламорисьеру, и какъ онѣ заключались болшею частію въ серебрѣ, то онъ не находилъ удобнымъ везти съ собою огромные ящики по дурнымъ дорогамъ и желалъ поскорѣе избавиться отъ денегъ, предназначенныхъ для крѣпости. Самое вѣрное средство было отправить деньги мо-

ремь, для чего онъ и потребовалъ, чтобы прислали шляпку въ портъ Реканати. Вотъ одна изъ причинъ, почему онъ и самъ избралъ дорогу чрезъ этотъ пунктъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-е, Ламорисьеръ, извѣстивъ о своемъ намѣреніи Пимодана, приказалъ ему слѣдовать за нимъ и избѣгать всякой серьезной встрѣчи съ пьемонтцами; самъ же, 16-го, рано утромъ, выступилъ съ отрядомъ изъ Мачераты. Переходъ до порта Реканати былъ не болѣе 30 верстъ, но дорога была такъ дурна и жаръ такъ невыносимъ, что войска прибыли туда только въ шесть часовъ вечера. Здѣсь нашли небольшой пароходъ „Санъ-Паоло“, посланный изъ Анконы, чтобы получить свѣдѣніе о Ламорисьерѣ. Не медля отправили на него деньги съ такою поспѣшностію, что къ нимъ присоединили предназначенныя и для арміи. Впослѣдствіи это поставило Ламорисьера въ затруднительное положеніе; онъ видѣлъ здѣсь со всею вѣроятностію не одну поспѣшность, а преднамѣренное недоброжелательство.

Узнавъ о движеніи Ламорисьера изъ Мачераты къ Реканати, Чальдини приказалъ генералу Куджѣ, находившемуся въ Торре-ди-Иеси, немедленно послать два баталіона берсальери съ артилеріею для овладѣнія городомъ Осимо. Войска были утомлены; но генералъ Куджа успѣлъ воодушевить ихъ, и они, сбросивъ ранцы, быстро заняли крѣпкую позицію при Осимо: посланный для ея защиты небольшой отрядъ былъ весьма достаточенъ. Но не довольно было овладѣть только Осимо; важно было имѣть въ своихъ рукахъ и Кастельфидардо съ Крочеттой, чтобы совершенно заградить дорогу, ведущую изъ Лорето чрезъ Камерино въ Анкону; надо было для этого пренебречь усталостію войскъ. Слѣдуя симъ соображеніямъ, Чальдини двинулся вслѣдъ за Куджей. Войска приходили довольно бодрыми въ Осимо; но тѣ, которыя должны были двигаться далѣе въ Кастельфидардо и Крочетту, совершенно изнемогали на пути, тѣмъ болѣе, что, по трудности дороги, обозъ съ продовольствіемъ отсталъ отъ войскъ и они не могли подкрѣпить свои силы.

Войска растянулись, солдаты садились отдыхать, отставали отъ своихъ частей; но Чальдини равнодушно смотрѣлъ на этотъ безпорядокъ, считая самымъ важнымъ, чтобы, такъ или иначе, войско дошло до позиціи, и не опасаясь ничего со стороны Ламорисьера, который двигался не въ лучшихъ условіяхъ и былъ отдѣленъ отъ него широкой долиной Музоне. Сверхъ

того, Чальдини рассчитывалъ на то, что непріятель будетъ не-пріятно изумленъ, увидѣвъ всѣ дороги, ведущія въ Анкону, занятыми.

Прибывъ въ Осимо около полудня, Чальдини сейчасъ по-слалъ бригаду генерала Куджа съ батареею и эскадронномъ уланъ по направленію къ Анконѣ до перекрестка С.-Баджо, съ приказаніемъ отрядить баталіонъ, съ двумя орудіями, далѣе къ Анконѣ, къ мосту Ранокію, который и разрушить какъ можно поспѣшнѣе.

Какъ въ Осимо позиція была чрезвычайно сильная, то Чальдини, оставивъ тамъ одинъ баталіонъ, двинулъ 4-ю дивизію на половину дороги къ Кастельфидардо, поставивъ одну бригаду въ Сабино, другую съ артилерійскимъ резервомъ въ Аббадіо. Бригада кавалеріи была направлена въ долину Музоне и расположилась близъ Ростекіетто, противъ дороги въ Реканати; она должна была наблюдать все протяженіе между мостами св. Доминика и находящимся близъ Лореты, которые оба были разрушены.

Освѣдомясь, что существуетъ дорога, ведущая изъ порта Реканати по берегу моря чрезъ Умано, Сироло, Массиньяно и Поджо въ Анкону, про которую одни говорили, что она непроходима ни для какого колеснаго обоза, а другіе утверждали противное, Чальдини призналъ нужнымъ удостовѣриться въ этомъ. Несмотря на усталость, два баталіона берсальери вызвались немедленно сдѣлать рекогносцировку и были отправлены подъ командою начальника штаба отряда, подполковника Піола. Войска двинулись въ десять часовъ вечера и возвратились днемъ, удостовѣрясь, что никакая повозка не можетъ переправиться чрезъ Аспіо, и чрезъ Музоне отъ впаденія Аспіо до самаго берега моря.

Положеніе войскъ и увѣренность, что непріятель не могъ сильно атаковать въ продолженіе этого дня ни съ фронта, ни съ фланга, позволили Чальдини ограничиться этими распоряженіями.

Между тѣмъ, центральная колонна, находившаяся въ Губбіо, направлена была сначала форсированнымъ маршемъ въ Гуальдо-Тадино, а потомъ, перейдя Апеннины, остановилась 18-го въ Санъ-Северино, въ долину Потенцы.

Правая колонна Делла-Рокка изъ Фолиньо двинулась 17-го, чтобы перевалиться чрезъ Апеннины, и въ тотъ же день до-

стигла вершины ихъ, въ деревнѣ Кольфюрито. Она выставила свои аванпосты въ Сerratвале, къ сторонѣ Мархіи, и только 19-го вступила въ Толентино.

Въ то время, когда Ламорисьеръ занимался въ Порто-Реканати отправленіемъ денежныхъ ящиковъ въ Анкону, онъ получилъ извѣстіе, впрочемъ невѣрное, что Лорето занята. Чтобы убѣдиться въ этомъ, онъ приказалъ жандармскому эскадрону произвести рекогносцировку. Оказалось, что ни командиръ эскадрона, ни помощникъ его не могутъ ѣздить рысью и вообще никакими быстрыми аллюрами. Чтобы помочь горю, Ламорисьеръ замѣнилъ ихъ однимъ изъ своихъ ординарцевъ, капитаномъ Пальфи.

Въ Лорето непріятеля не оказалось. Правда, нѣсколько часовъ назадъ, пріѣзжали человекъ съ пятьдесятъ, непринадлежавшихъ къ пьемонтской арміи, роздали трехцвѣтныя кокарды и уничтожили папскіе гербы, при крикахъ народа, „да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ!“; но съ появленіемъ папскихъ жандармовъ кокарды были сброшены и гербы возстановлены. Тѣ же голоса, но уже нѣсколько охриплые, кричали: „да здравствуетъ Пій IX!“

16-го вступилъ въ Лорето Ламорисьеръ, а 17-го Пимодатъ. Въ обоихъ отрядахъ было не болѣе 5,000 человекъ; но снабдить хлѣбомъ и такое малое число представились большія затрудненія. Благодаря монополіи папской администраціи, было мало мельницъ, да и тѣ, которыя были, находились уже въ рукахъ пьемонтской кавалеріи. По огромнымъ пошлинамъ, хлѣбники были не въ состояніи дѣлать большихъ запасовъ муки. Конечно, деньги могли бы вывести изъ затрудненія, но мы видѣли, какъ онъ отправились въ Анкону.

Положеніе Ламорисьера было весьма грустное: онъ видѣлъ, что всѣ дороги въ Анкону ему отрѣзаны; оставалась одна проселочная дорога по берегу моря: ею-то Ламорисьеръ и хотѣлъ воспользоваться.

Въ Лорето онъ получилъ знаменитую телеграмму, послужившую источникомъ столькихъ толковъ и объясненій.

Меродъ передалъ Ламорисьеру депешу, которую французскій посланникъ, герцогъ Граммонъ, препроводилъ французскому консулу въ Анконѣ, начинавшуюся такъ:

„Императоръ писалъ королю сардинскому, что если пе-

монтскія войска войдутъ въ папскія владѣнія, то онъ принужденъ будетъ тому воспротивиться“.

Меродъ сдѣлалъ въ депешѣ невинное измѣненіе, написавъ: „то онъ воспротивится тому силою“.

Сверхъ того, изъ Триеста писали, что сильная австрійская эскадра идетъ къ Анконѣ.

Эти утѣшительныя новости были сообщены войскамъ, чтобы поднять ихъ упавшія нравственныя силы предъ предстоящимъ подвигомъ: надо было, во что бы ни стало, пробиться въ Анкону; ожидать помощи было не откуда, а къ пьемонтцамъ приближалась правая колонна дела-Рокка.

Послѣ трудныхъ переходовъ по горамъ, войска Чальдини, проведя покойно ночь съ 16-го на 17-е и все 17-е число, успѣли отдохнуть и приготовиться встрѣтить непріятеля.

Позиція была превосходная. Кастельфидардо и Крочетта лежатъ на высотахъ, возвышающихся болѣе 700 футовъ надъ уровнемъ моря, постепенно склоняющихся и оканчивающихся у моста Молино и у слиянія Аспіо съ Музоне. Дорога изъ Лорето сначала идетъ перпендикулярно къ позиціи; спускаясь съ высоты въ 500 или 600 футовъ, она проходитъ чрезъ эту рѣку по деревянному мосту у Контрада-Барка; далѣе переходитъ второй мостъ Молино чрезъ ручей Валлато, притокъ Музоне, текущій параллельно этой рѣкѣ и впадающій въ нее подъ весьма острымъ угломъ, шагахъ въ 2,000 ниже моста Контрада-Барка. Потомъ, не подымаясь къ Кастельфидардо и 3,000 шаговъ не доходя его, дорога поворачиваетъ въ Крочетту; поднявшись у Крочетты, лежащей на самой возвышенной точкѣ гребня холмовъ, спускается въ Аспіо, поднимается на высоты Камерино и направляется къ Анконѣ.

У подошвы кастельфидардской высоты идетъ изъ Лорето кругая дорога, мимо Кастельфидардо на Осимо. Изъ Кастельфидардо есть по гребню хорошая дорога въ Крочетту.

Третья дорога, ведущая изъ Лорето, идетъ чрезъ бродъ на Музоне, немного ниже впаденія Аспіо; оттуда весьма дурная проселочная дорога ведетъ въ Умана, на берегу моря; затѣмъ хорошою береговой дорогой достигается Анкона.

Долины Музоне и Валлато имѣютъ 2,500 шаговъ ширины передъ Лорето, а по впаденіи въ эту рѣку А дспіоолина Музоне уширяется до 500 шаговъ. Всѣ долины обсажены деревьями, изрѣзаны каналами и усѣяны домиками и фермами; дороги

большую частью углубленныя. Музоне и Аспіо имѣютъ характеръ горныхъ рѣкъ, тогда какъ Валлато ручей тонкій, хотя довольно углубленъ въ своихъ крутыхъ берегахъ.

Чальдини, видя, что Ламорисьеръ сосредоточилъ всѣ свои силы въ Лорето, откуда чрезъ Крочетту идетъ прямая дорога въ Анкону, нашелъ нужнымъ стянуть наибольшее число своихъ силъ около Кастельфидардо. На дорогѣ, ведущей отсюда къ Молино, была поставлена единорожная батарея, а у самаго разрушеннаго моста два баталіона берсальери съ двумя орудіями. Сзади единорожной батареи былъ поставленъ полкъ бригады Комо, отъ котораго баталіонъ остался въ Кастельфидардо. Впереди Крочетты расположены двѣ батареи, полкъ пѣхоты, и въ долину, у подошвы спуска въ нее, Новарскій уланскій полкъ. Бригада Реджина оставлена въ резервѣ, за Крочеттой.

Два баталіона берсальери, съ артилеріей и эскадрономъ кавалеріи, были расположены въ Санъ-Роккетто, по дорогѣ въ Анкону, сзади двухъ разрушенныхъ мостовъ на Аспіо и на каналѣ.

Баталіонъ берсальери охранялъ оконечность возвышенности, идущей отъ Крочетты къ слиянію рѣкъ Аспіо и Музоне.

Два уланскихъ полка—Миланскій и Виктора-Эммануила—находившіеся у Ростекіетто, получили приказаніе придвинуться къ мосту около Лорето.

Генералъ Реджи занималъ двумя баталіонами 15-го полка и четырьмя орудіями Санъ-Сабино, а съ другими двумя баталіонами этого полка и двумя орудіями Аббадіо, центральный пунктъ между Санъ-Сабино, долиною Аспіо и перекресткомъ дорогъ Санъ-Баджо, гдѣ стояла бригада Комо съ полуторататареею и сильнымъ авангардомъ по направленію къ Анконѣ, у разрушеннаго моста подлѣ Раноккіе.

Въ Осимо оставался только одинъ баталіонъ съ двумя орудіями.

Ведеты стояли на высотахъ и по дорогѣ изъ Осимо въ Кастельфидардо.

На всей этой позиціи, крѣпкой и сильно занятой, простиршейся до восьми верстъ, было собрано до 20,000 человекъ. Отсюда хорошо были видны противоположныя возвышенности Лорето и Реканати.

Чальдини, узнавъ, что 17-го Пимоданъ прибылъ въ Лорето, полагалъ навѣрное быть атакованнымъ на другой день.

Сверхъ того, онъ получилъ свѣдѣніе, что отрядъ изъ 4,000 человекъ съ артилеріей выступилъ изъ Анконы, на встрѣчу Ламорисьеру, угрожая лѣвому флангу пьемонтцевъ. Въ то же время ему дали знать ночью изъ Санъ-Саджо, что отрядъ неприятельскихъ войскъ показался въ Камерино.

Видя изъ этого, что неприятель сосредоточивалъ всѣ свои силы около занятой имъ мѣстности, Чальдини направилъ изъ Торре-ди-Теси два баталіона въ Осимо, стягивая наибольшее число войскъ къ угрожаемому пункту. Вечеромъ онъ перенесъ и свою квартиру въ Кастельфидардо.

Съ высоты Лорето видны были многочисленные огни на высотахъ Кастельфидардо, Крочеты и Осимо, показывавшіе, что здѣсь должны были находиться главныя силы пьемонтцевъ. Ламорисьеръ не могъ и думать атаковать такую позицію съ фронта. Онъ хотѣлъ воспользоваться бродомъ на Музоне, ниже впаденія Аспіо, чтобы провести тамъ главныя свои силы и обозы; но какъ переправа въ бродъ въ этомъ мѣстѣ требовала много времени и войска и обозы подвергались сильному обстрѣливанію пьемонтскихъ наръзныхъ батарей, стоявшихъ не далѣе 1,000 сажень отъ брода, то Ламорисьеру казалось необходимымъ завладѣть покатою, ведущею къ Крочетту, чтобы отвлечь сюда вниманіе пьемонтцевъ отъ переправлявшихся черезъ бродъ войскъ и скрыть свои движенія на Умана.

Войска, назначенныя для этой диверсіи, должны были перейти Музоне по другому броду, ниже впаденія ручья Валлато. Въ случаѣ успѣха, они могли бы прекратить бой и идти за Ламорисьеромъ въ Анкону, составляя его аріергардъ.

Сообразно этому плану были сдѣланы и распоряженія.

Пимоданъ выступилъ изъ Лорето въ 8¹/₂ часовъ утра. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи четыре съ половиною баталіона своей бригады съ 12-ю орудіями, два эскадрона драгунъ съ конными волонтерами и сто ирландцевъ безъ амуниціи, назначенныхъ въ помощь артилеристамъ при переправѣ орудій въ бродъ и при встаскиваніи ихъ на высоты. Къ 10¹/₂ часамъ войска эти спокойно собрались, незамѣченныя неприятелемъ, между густыми деревьями, покрывающими скатъ отъ Лорето къ Музоне и въ особенности около Ареничи.

Впереди были поставлены два стрѣлковыхъ баталіона — швейцарскій и туземный—и полбаталіона павскихъ зуавовъ съ артилеріею.

Хотя Чальдини и предчувствовалъ, что 18-го будетъ атакованъ, но не зналъ, въ какое время. Въ три часа ночи, по тревогѣ, неизвѣстно откуда возникшей, пьемонтскія войска стали въ ружье и простояли до разсвѣта, но когда увидѣли, что Ламорисьеръ не двигался, успокоились. Однако въ 10¹/₂ часовъ неожиданно показались впереди Ареничи, какъ бы выросшіе изъ земли, нѣсколько баталіоновъ съ артилеріею, подъ прикрытіемъ густой цѣпи стрѣлковъ, быстро двигавшіеся къ переправѣ.

Музоне течетъ между двумя высокими плотинами, какъ и многія рѣки въ Италіи. Это позволило войскамъ Ламорисьера, переправившись, устроиться за плотиною и атаковать 26-й баталіонъ пьемонтскихъ берсальери, которые встрѣтили ихъ живымъ огнемъ, но были отброшены. Лишь только переправились орудія, Пимоданъ приказалъ двинуться впередъ.

Первыми пунктами атаки были двѣ фермы: одна—расположенная на ближайшемъ скатѣ, другая—шаговъ 450 далѣе, на вершинѣ небольшого холма. Ближайшую атаковалъ сначала стрѣлковый баталіонъ швейцарцевъ, за которымъ слѣдовалъ стрѣлковый туземный баталіонъ, командиръ котораго такъ очевидно струсилъ, что его смѣнили подъ самымъ огнемъ непріятеля. Папскіе зуавы (французы и бельгійцы большею частію) опередили стрѣлковъ и бросились на пьемонтцевъ въ штыки.

Остальные два баталіона колонны Пимодана—2-й туземный и 2-й австрійскій стрѣлковый—остались еще за Музоне, укрываясь въ сосѣднихъ садахъ. Когда нѣсколько пьемонтскихъ пуль попало во 2-й туземный баталіонъ, командиръ его разсыпалъ густую цѣпь и началъ стрѣлять на противоположный берегъ; но пули, вмѣсто того, чтобы наносить вредъ пьемонтцамъ, осыпали войска Пимодана, атаковавшія ферму. Надо было употребить довольно времени, чтобы прекратить беспорядокъ. Это не помѣшало однакожъ Пимодану овладѣть фермою; вслѣдъ за тѣмъ онъ поставилъ батарею изъ шести орудій и началъ обстрѣливать верхнюю ферму.

Хотя Ламорисьеръ въ своемъ донесеніи снимаетъ подозрѣніе со 2-го туземнаго баталіона, будто онъ стрѣлялъ въ своихъ съ намѣреніемъ, но, по свидѣтельству очевидцевъ, есть много данныхъ, подтверждающихъ это обвиненіе.

Начальникъ 4-й пьемонтской дивизіи, генералъ Вилла-Марина, находившійся въ Крочетто, видя 2-й баталіонъ берсальери отброшеннымъ и непріятеля смѣло двигающагося впередъ

и овладѣвшаго нижнею фермою, приказалъ 10-му полку съ двумя орудіями поддержать 26-й баталіонъ берсальери. Узкая и гористая дорога не позволяла скоро двигаться этому подраздѣленію. На выстрѣлы прискакалъ въ Крочетто Чальдини и, догнавъ 10-й полкъ, приказалъ ему сбросить ранцы и немедленно атаковать непріятеля.

Пользуясь тѣмъ, что вниманіе непріятеля было привлечено на одинъ пунктъ, Ламорисьеръ отправилъ весь колесный обозъ, подъ прикрытіемъ полуэскадрона жандармовъ, на самый отдаленный бродъ на Музоне, а самъ, измѣнивъ первое предположеніе — идти съ главными силами, вмѣстѣ съ обозомъ, въ то время, когда подчиненныя ему войска дрались—двинулся изъ Лорето въ 10½ часовъ, съ четырьмя баталіонами и полуэскадрономъ жандармовъ, по промежуточной дорогѣ, между тою, по которой пошелъ Пимоданъ, и другою, по которой слѣдовалъ обозъ. Подойдя къ Музоне, онъ приказалъ переправиться остальнымъ баталіонамъ Пимодана, стрѣлявшимъ въ своихъ, и поддержать атаку.

Лишь только прибыло подраздѣленіе, Пимоданъ повелъ атаку на верхнюю ферму; но туда уже пришелъ 10-й полкъ и встрѣтилъ нападавшихъ такимъ сильнымъ огнемъ, что они, не доходя 150 шаговъ, повернули назадъ. Пьемонтцы преслѣдовали, но въ свою очередь были встрѣчены штыками папскихъ зуавовъ. Во время этой атаки былъ раненъ Пимоданъ, но онъ не оставилъ своего мѣста. Атаковавшія войска отступили къ нижней фермѣ, не будучи преслѣдуемы.

Тогда Ламорисьеръ велѣлъ находившемуся при немъ 1-му иностранному полку, полковника Аллето, стать на лѣвый флангъ войскъ Пимодана, а кавалерію на правый флангъ пѣхоты.

Чальдини замѣтилъ это движеніе, но, по тѣснотѣ мѣста, на которомъ происходило дѣло, ограничился только тѣмъ, что выставилъ батарею по скату, находящемуся между Крочеттой и возвышенностію, гдѣ происходилъ бой. 9-й полкъ поставилъ онъ на другомъ склонѣ возвышенности, спускающейся къ Аспіо у неразрушеннаго моста, оставленнаго какъ потому, что его удобно было защитить, такъ и для того, чтобы дать возможность пьемонтцамъ, въ случаѣ нужды, перейти на другой берегъ.

10-й полкъ и 26-й баталіонъ берсальери атаковали нижнюю ферму, но должны были отступить. Начальникъ папскихъ зуавовъ

вовъ Бекделіевръ сопротивлялся храбро; здѣсь Пимоданъ былъ снова раненъ двумя пулями, но продолжалъ распоряжаться войсками.

Въ то время полковникъ Аллето, по приказанію Ламорисьера, велъ свой полкъ на лѣвый флангъ войскъ Пимодана, развернувъ баталіоны, чтобы они менѣе терпѣли отъ выстрѣловъ. За нимъ слѣдовали остальные баталіоны колонны Ламорисьера. Немного правѣе и сзади перваго иностраннаго полка шелъ 2-й баталіонъ австрійскихъ стрѣлковъ и 2-й баталіонъ туземный, колонны Пимодана, чтобы присоединиться къ начавшимъ дѣло.

Сначала гранаты со свистомъ пролетали черезъ головы 1-го иностраннаго полка; потомъ начали долетать до него пули, и едва только двое или трое было ранено, какъ полкъ обратился въ самое постыдное бѣгство, предшествуемый своими офицерами. Тщетно нѣсколько храбрыхъ офицеровъ, съ полковникомъ Аллето, пытались остановить бѣглецовъ: ихъ примѣръ увлекъ даже войска, находившіяся сзади. Они оставили всѣхъ раненыхъ, побросали ружья, ранцы, амуницію, такъ что на полѣ сраженія осталось вооруженія и снаряженія втрое болѣе, чѣмъ было убитыхъ и раненыхъ. Вѣдовые выставленныхъ на позицію батарей, изрубивъ постромки, ускакали, бросивъ орудія и ящики. Храбрый генералъ Пимоданъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поправить дѣло: уже нѣсколько разъ раненый, онъ былъ пораженъ смертельно пулей и двумя ударами штыка и также былъ оставленъ на полѣ сраженія.

Обозъ, видя всеобщее бѣгство, повернулъ назадъ въ Лорето, подвергнувшись разграбленію отъ своего же прикрытія; спаслась одна карета Ламорисьера.

Только 2-й баталіонъ австрійскихъ егерей, подъ командою храбраго полковника Тухмана, присоединился къ папскимъ зуавамъ, чтобы прикрыть не отступление, а постыдное бѣгство. Храбрый артилерійскій поручикъ Додье умѣлъ одушевить артилеристовъ своихъ двухъ орудій, которыя продолжали осыпая непріятеля картечью. Находясь все время въ самомъ жаркомъ огнѣ, онъ даже не былъ раненъ.

Нижняя ферма, въ которой защищались храбрецы, была зажжена гранатою и, несмотря на упорное сопротивленіе, взята. Некому уже было и прикрывать бѣгущихъ; они непременно должны были быть приперты въ уголъ, образуемый Аспіо и Музоне.

Ламорисьеръ видѣлъ невозможность остановить бѣгущихъ, но желая, по крайней мѣрѣ, направить ихъ въ Анкону, послалъ офицеровъ, чтобы они показали имъ путь сзади плотины праваго берегу Музоне къ броду, ниже Аспіо, и направили ихъ, такимъ образомъ, на дорогу къ Умана; онъ приказалъ также отыскать кавалерію, чтобы прикрыть отступленіе. Но кавалерія такъ хорошо спряталась въ садахъ, что ее трудно было найти; даже изъ найденныхъ нѣкоторые отказались повиноваться. Только одинъ эскадронъ легко-коннаго полка и 400 человекъ пѣхоты пошли по указанному направленію. Тщетно уговаривали другихъ къ тому же: они упорствовали идти на Лорето.

Самъ Ламорисьеръ, отыскавъ бродъ чрезъ Аспіо, направился на Умана, присоединившись къ пѣхотѣ, взявшей то же направленіе. Посланный развѣздъ сообщилъ ему, что Умана не занята. Но 9-й полкъ, полковника Авенати, стоявшій за неразрушеннымъ мостикомъ на Аспіо, перейдя его, устремился вслѣдъ за отрядомъ Ламорисьера и открылъ по немъ огонь. Лишь нѣсколько выстрѣловъ послано было въ отвѣтъ этому отряду, и затѣмъ преслѣдуемые бросились ему на встрѣчу съ маіоромъ Дюпланье, но не съ тѣмъ, чтобы атаковать этотъ отрядъ, а чтобы положить передъ нимъ оружіе: 17 офицеровъ и 250 рядовыхъ сдались Авенати. Только 80 человекъ остались при Ламорисьерѣ, съ которыми онъ, разными тропинками, достигъ Анконы, въ пять съ половиною часовъ пополудни.

Ламорисьеру помогло избавиться отъ пѣна отсутствіе Чальдини. Въ самый моментъ паники, объявленной папскія войска, онъ получилъ записку отъ генерала Куджи, въ которой послѣдній обращалъ его вниманіе на то, что дѣло на лѣвомъ флангѣ есть одна только диверсія, что Ламорисьеръ хочетъ переправиться на нижнемъ Музоне, что на берегу моря показалась колонна изъ Анконы, готовая подать помощь Ламорисьеру, а другая показалась около Камерино и, видя, что тылъ позиціи Чальдини обезпеченъ, тоже направилась къ берегу моря.

Будучи спокоенъ за исходъ дѣла на лѣвомъ флангѣ, Чальдини поскакалъ, чтобы направить бригаду Куджи на Массиньяно и послать уланъ преслѣдовать бѣгущихъ; но Массиньяно было занято немного позднѣе того, какъ Ламорисьеръ уже миновалъ это мѣсто.

Въ Анконѣ была слышна сильная пальба: адмиралъ Персано началъ бомбардированіе крѣпости.

Около 3,000 человекъ бѣглецовъ собрались въ Лорето; полковникъ Куденховенъ принялъ надъ ними начальство. Пользуясь темнотою ночи, Чальдини приказалъ ихъ окружить, занявъ Реанати, Санъ-Оюстино и Казелунге. 19-го они сдались военнопленными, съ 150 офицерами, 11-ю орудіями и всѣмъ обозомъ.

Таково было сраженіе при Кастельфидардо, пріобрѣтшее столь громкую извѣстность. Пораженіе Ламорисьера — одного изъ лучшихъ французскихъ генераловъ—непріятно звучало для французскаго уха. Партіи легитимистская и клерикальная трубили повсюду о храбрости маркиза Пимодана и папскихъ звуковъ, представителей громкихъ французскихъ фамилій, увлеченныхъ именемъ и примѣромъ Ламорисьера. Когда пленныхъ привели къ генералу Куджа и онъ прочелъ имена: Сабранъ, Роганъ-Шабо, Шаретъ, Сапино, то сказалъ: „Какія имена! Какъ будто приглашеніе на балъ Людовика XIV“. Онъ вѣрнѣе бы выразился, сказавъ на балъ Людовика XVIII: Шаретъ, Сапино и многіе другіе были вандейскіе герои.

Епископъ орлеанскій Дюпанлу украсилъ проповѣдь свою, по случаю битвы при Кастельфидардо, всѣми цвѣтами краснорѣчія. Онъ сравнилъ холмы Кастельфидардо съ холмами гелвуйскими, гдѣ палъ Саулъ и мужи Израиля (*), *возлюбленные, прекрасные, благодѣльные, паче орловъ леицы, и паче львовъ кривцы*. Но онъ не проклиналъ ихъ, какъ ветхозавѣтный пророкъ, онъ не говорилъ, какъ краснорѣчивый псалмопѣвецъ: „*Горы Гелвуйскія, да не спадетъ роса, ниже дождь на васъ, яко тамъ поверженъ бысть цитѣ сильныхъ*“.

Напротивъ, какъ христіанскій проповѣдникъ, онъ восславилъ: „Благословляю васъ, холмы Кастельфидардо; вы будете всегда славны, безсмертны, ибо на васъ пролилась кровь героевъ, защищавшихъ вѣру и справедливость“.

Тѣло маркиза Пимодана было встрѣчено въ Римѣ генераломъ Гойономъ съ большою торжественностію, при звукахъ полковой французской музыки; въ Парижѣ панихиду по маркизѣ служили въ соборѣ Богоматери, при стеченіи многочисленной толпы и, конечно, всего Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Къ вдовѣ Пимоданъ, съ изъявленіемъ соболѣзнованія, папа отправилъ нунція.

(*) Послѣ этой битвы, Давидъ приказалъ обратить вниманіе на стрѣльбу: *Научите сии: Иудии стрѣлятию*. Вторая книга Царствъ, глава I, ст. 18.

Все это дало дѣлу при Кастельфидардо незаслуженную извѣстность. Конечно, тутъ сражались 5,000 противъ 20,000 — интересъ могъ бы приковаться къ горсти людей, идущихъ на смерть, если бы они постыдно не бѣжали; немудрено, что они и удержались бы въ нижней и верхней фермѣ и дали бы Ламорисьеру возможность уйти безъ большой потери. Чальдини какъ бы позабылъ, что у него есть войска, кромѣ 10-го и 9-го полковъ; да и послѣдній онъ поставилъ въ сторонѣ. Чальдини въ этомъ дѣлѣ не узнаваемъ: слава Ламорисьера, вѣроятно, обязательно дѣйствовала на него въ часть боя.

Съ самаго вторженія въ папскія владѣнія, мы видимъ въ Чальдини искуснаго генерала. Въ Пезаро онъ является какъ смѣль на голову; фланговое движеніе почти въ виду крѣпости, о численности и предприимчивости гарнизона которой онъ не могъ еще отдать себѣ вѣрнаго отчета, совершенно было со всею осторожностію; укрѣпленіе Теси и оставленіе тамъ обоза показываютъ много военной предусмотрительности: Чальдини ничего не хотѣлъ предоставить случаю. Потомъ, вѣрно разсчитавъ, что войска Ламорисьера должны такъ же устать, какъ и его, онъ смѣло двигается на Осимо и Кастельфидардо, сдѣлавъ въ 28 часовъ 54 версты. Но во время самаго сраженія Чальдини занялся частностію — отраженіемъ войскъ, нападавшихъ на его лѣвый флангъ, и, спустившись съ высотъ, потерялъ общую связь дѣйствій. Онъ долженъ былъ бы убѣдиться, что Ламорисьеръ хочетъ пройти на его лѣвомъ флангѣ и для того двинуть отрядъ Куджи на Массиньяно и Умана, чтобы совершенно преградить дорогу Ламорисьеру, въ чемъ и состояла главная задача.

Странно, что и Ламорисьеръ, рѣшившись, въ случаѣ нужды, пожертвовать артилеріею и обозомъ, не двинулся, пользуясь темнотою ночи, чрезъ болѣе отдаленный бродъ на Музоне, оставивъ въ арьергардѣ маркиза Пимодана: тогда бы онъ, съ большою вѣроятностію и не потерпѣвъ такой огромной потери, могъ бы достигнуть Анконы — предмета своихъ дѣйствій.

Пьемонтскія войска постепенно сосредоточивались около Анконы. Правая колонна ночевала 19-го въ Толентино, а 20-го вышла въ Мачерату, гдѣ къ ней присоединилась 13-я дивизія, служившая связью между обѣими колоннами. Съ этого времени пьемонтскія войска можно считать соединенными, хотя обстоятельства потребовали дать, кратковременно, войскамъ дела-

Рокка особое назначеніе. Провинціи Ферма и Асколе были наводнены разбойниками, организованными въ большія шайки, подъ предводительствомъ монсиньора Деанджели и Севинье. Изъ Мачераты генераль делла-Рокка отправилъ три подвижныя колонны до самаго берега моря: правую—по долины Кіенты, лѣвую—по долины Потенцы, чрезъ Реканати въ Лорето, и среднюю—по горамъ, раздѣляющимъ обѣ рѣки. Эти колонны захватили до 3,000 человекъ, изъ которыхъ около 700 принадлежали арміи Ламорисьера, участвовали въ сраженіи подъ Кастельфендардо и избѣжали плѣна, переодѣвшись въ гражданское платье.

13-я дивизія была двинута въ Осимо.

Между тѣмъ, 21-го, главная квартира была перенесена въ Лорето, куда приказано прибыть и всѣмъ подвижнымъ колоннамъ. 23-го эти войска стали правѣ корпуса Чальдини, который съ 20-го числа началъ располагать свои силы около Анконы, приказавъ генералу Казанова, съ бригадою Бергамо, занять Камерино, Массиньяно, Анджели и Поджіо, чтобы обезпечить за собой Умана — важный пунктъ, гдѣ предназначено было выгрузить все необходимое для осады и все это подвезти по большой камеринской дорогѣ; 4-я дивизія заняла Болиньяно, Паломбара и Монте-Сикуро. Новарскому уланскому полку приказано стать у моста Раноккіа, для наблюденія долины Аспіо; бригадѣ Комо—составлять резервъ у Санъ-Баджіо; 16-му полку съ двумя баталіонами—занять Кастельферетти, чтобы закрыть долину Вречча. Въ Иеси уже не настояло надобности имѣть гарнизона, и войска, занимавшія эту деревню, были присоединены къ своимъ частямъ, а артилерія выдвинута въ Кастельферетти. Генераль Грифини, съ двумя полками кавалеріи, при двухъ орудіяхъ, наблюдалъ долину Есино отъ Кіаравалле до самаго моря, имѣя сильныя передовыя посты въ Фальнокаръ, Кастельферетти, Гранчетти и Камерато. 22-го, генераль Фанти принялъ непосредственное начальство надъ всѣми войсками, сосредоточенными у Анконы, и, давъ этотъ день солдатамъ для отдыха, занялся предварительными распоряженіями для тѣснѣйшаго обложенія крѣпости. Войскамъ делла-Рокка приказано было смѣнить 7-ю дивизію и занять сильными отрядами Анджели, Поджіо и Массиньяно, откуда войска этой дивизіи перешли: бригада Комо—въ Торре-д'Аго, бригада Казанова — въ Педокіо. Войска 13-й дивизіи заняли: бригада Пистола — Монтальяно, бригада Пармо — Позаторе и все про-

странство до моря. Бригада Реджина 4-й дивизіи была поставлена въ Санъ-Сильвестро, чтобы служить резервомъ 7-й дивизіи, а бригада Реджисъ—въ Мадонна-дель-Кармине, въ резервъ за 13-й дивизіей. По мѣрѣ того, какъ корпусъ Чальдини сближался съ крѣпостію, войска корпуса дель-Рокка заняли въ связи съ нимъ позиціи по анконской дорогѣ изъ Лореты: 4-й гренадерскій полкъ съ однимъ баталіономъ берсальери, на горѣ Вальдино 39-й пѣхотный полкъ съ баталіономъ берсальери, а отъ горы Акуто, за скалами, тянувшимися къ морю, былъ поставленъ 25-й баталіонъ берсальери. Гренадерская сардинская бригада стояла за этими войсками въ резервъ въ Варано. Такимъ образомъ, Анкона была совершенно обложена, и на такомъ разстояніи, что артилерія могла начать свое дѣйствіе. Адмиралъ Персано открылъ бомбардированіе еще 18-го, въ самый день сраженія при Кастельфидардо.

24-го, главная квартира была переведена въ Вилла-Фаворита, и въ тотъ же день пьемонтцы открыли огонь по внѣшнимъ укрѣпленіямъ Анконы.

Эта крѣпость лежитъ на оконечности полуострова, обращенной къ сѣверу, и расположена амфитеатромъ по скату возвышенности, склоняющейся къ морю. Она окружаетъ портъ дугою, оконечности которой почти соединяются моломъ, оставляя небольшой промежутокъ съ западной стороны. Молъ сѣверо-восточный построенъ императоромъ Траяномъ, южный—папою Климентомъ XII; оба мола защищаются, вздвигнутыми на нихъ, батареями, а послѣдній кромѣ того фортомъ Лазаретто, окруженнымъ водою. Мола связаны между собою цѣпью, недозволяющею приближаться къ городу неприятельскимъ судамъ.

Городъ Анкона, какъ и многіе другіе выгодно расположенные торговые приморскіе пункты, подвергался нападеніямъ въ разныя историческія эпохи. Онъ былъ разоряемъ и римлянами, и готами, и лонгобардами, и сарацинами. Особенное процвѣтаніе его соотвѣтствуетъ тому времени, когда онъ существовалъ въ видѣ богатой и независимой республики.

Въ 1174 году Анкона была осаждаема войсками германскаго императора Фридриха Барбароссы съ сухаго пути и венеціанскимъ флотомъ съ моря; но мужественная оборона уничтожила всѣ усилія осаждающихъ. Въ 1532 году папскія войска вошли сюда подъ предлогомъ защиты города отъ турокъ. Съ этихъ поръ Анкона утратила свою независимость. Въ 1797 году она

была занята французами, а въ 1799 году ею овладѣли русскіе, турки, итальянцы и австрійцы, послѣ трехмѣсячной осады. Въ 1800 году, по люневильскому миру, она опять перешла къ французамъ; въ 1815 году, по вѣнскому конгрессу, подчинена власти папы, которая окончилась въ 1831 году: французы заняли этотъ городъ, предупредивъ австрійцевъ, и содержали въ немъ гарнизонъ до 1837 года, подъ предлогомъ охраненія спокойствія въ папскихъ владѣніяхъ. Въ этомъ же году она вновь занята папскимъ гарнизономъ.

23-го сентября Фанти сдѣлалъ рекогносцировку и направилъ изъ Умана осадный паркъ къ Анковѣ.

Главная защита города съ сухаго пути состояла въ укрѣпленномъ лагерѣ (*campo trincerato*), которому цитадель (*fortezza*) служить редюнтомъ; она построена на высотѣ южной стороны города. Съ восточной стороны Анкона защищена укрѣпленіемъ Монте-Гардетто и нѣкоторыми другими, обращенными къ морю. Монте-Гардетто и укрѣпленный лагерь соединяются старою или капуцинскою стѣною съ бастіонами. Тѣ же укрѣпленія были и при осадѣ города русскими въ 1799 году. Прибавились передовыя укрѣпленія: Монте-Пуцито, Монте-Пелаго и люнетъ св. Стефана.

Съ прибытіемъ Ламорисьера, гарнизонъ состоялъ изъ одного папскаго полка, своднаго баталіона, составленнаго изъ двухъ ротъ 1-го иностраннаго полка и остатковъ, приведенныхъ Ламорисьеромъ, изъ пяти баталіоновъ австрійскихъ стрѣлковъ, полубаталіона ирландцевъ, роты папскихъ жандармовъ, эскадрона конныхъ жандармовъ, пришедшихъ изъ Кастельфандардо, 450 артиллеристовъ и роты саперъ. Численность всѣхъ этихъ войскъ едва доходила до 8,000.

Укрѣпленія со стороны сухаго пути были вооружены 110-ю крѣпостными и 14-ю легкими орудіями. Со стороны моря было поставлено 25 орудій; изъ нихъ самыя большія были 36-фунтовыя пушки.

Укрѣпленія находились въ довольно хорошемъ положеніи; но нельзя того же сказать о духѣ гарнизона. Неутѣшительныя извѣстія доходили до него одно за другимъ и имѣли вредное вліяніе на его нравственную силу. Гарнизонъ пересталъ вѣрить въ скорое прибытіе къ нему на помощь французскихъ войскъ, спѣшившихъ въ Анкону, и въ появленіе австрійскаго флота.

Объявленіе императора Франца-Иосифа, что австрійскіе осн-

царя и солдаты, которые, несмотря на сопротивление, должны будут уступить превосходству силъ, примутся обратно на службу, повело только къ тому, что австрійцы, составлявшіе главную силу гарнизона, начали взвѣшивать на аптекарскихъ вѣсахъ, какую долю сопротивленія надо оказать, чтобы воротиться къ своимъ пенатамъ. Продовольствіе войскъ было самое скудное, какъ мы уже имѣли случай сказать: никакихъ запасовъ не было заготовлено. Съ 13-го сентября гарнизонъ уже не имѣлъ продовольствія. 19-го успѣли съ большимъ трудомъ приобрести зерновой хлѣбъ изъ Триеста. Паровая мельница, которая должна была быть устроена, только по настоянію Ламорисьера могла начать свою работу 20-го. Говядины тоже не было: успѣли захватить лишь нѣсколько головъ въ окрестностяхъ, благодаря неторопливости пьемонтцевъ обложить городъ.

Осмотрѣвъ оборонительныя укрѣпленія города, Фанти избралъ главнымъ пунктомъ атаки Монте-Гардетто, сильно укрѣпленный пунктъ, который, по своему положенію на значительной возвышенности, однажды взятый, позволилъ бы съ уснѣхомъ дѣйствовать противъ капуцинской стѣны, цитадели и укрѣпленнаго лагеря. Кромѣ того, Гардетто было избрано и потому, что адмиралъ Персано, открывъ огонь съ моря въ тылъ укрѣпленію, могъ содѣйствовать легчайшему овладѣнію имъ. На возвышенностяхъ, идущихъ отъ цитадели передъ городомъ къ морю, построены укрѣпленія одно подлѣ другаго; самое ближайшее къ крѣпости—люнетъ св. Стефана, изъ камня, потомъ люнетъ Пулито, земляной; далѣе, ближайшій къ пьемонтцамъ, люнетъ Пелаго. Возвышеніе это, на которомъ построены названныя укрѣпленія, тянется параллельно берегу моря и оканчивается въ верстѣ отъ горы Акуто.

Аванпосты были выставлены впереди укрѣпленій.

Итакъ, рѣшено было вести атаку на лѣвый флангъ крѣпости. Прежде всего надо было овладѣть холмами Пелаго и Пулито, поставить на нихъ сильныя батареи, для обстрѣливанія люнета св. Стефана, и облегчить штурмъ Гардетто. Эскадра, сверхъ того, должна была обстрѣливать всѣ приморскія батареи.

Въ то же время фальшивая атака должна была быть направлена на правый флангъ крѣпости, гдѣ войскамъ предназначалось овладѣть люнетомъ Скрима, потомъ укрѣпленіемъ Лазаретто, направляя сильный огонь на укрѣпленный лагерь, чтобы привлечь туда вниманіе непріятеля.

Ложная атака была поручена генералу Чальдини, а настоящая генералу делла-Рокка, чтобы дать случай и его войскамъ отличиться.

24-го былъ открытъ огонь со всѣхъ пьемонтскихъ батарей; вѣскадра же, приблизясь къ горѣ Акуто, обстрѣливала Гардетто и Пелаго, не нанося послѣднему большаго вреда, вслѣдствіе весьма возвышеннаго положенія, имъ занимаемаго.

25-го сентября, 40-й полкъ прибылъ изъ Умана къ Акуто, сопровождая осадный паркъ, и присоединился къ 39-му полку. Генералъ делла-Рокка съ ранняго утра привалялъ 23-му и 25-му баталіонамъ берсальери занять казино Алтавила.—пунтъ самый возвышенный на берегу моря, обращенный къ Пелаго. Аванпосты непріятельскіе отошли, но люнетъ еще не открывалъ огня.

Предполагая начать атаку, генералъ делла-Рокка придвинулъ резервъ, стоявшій въ Варано. Пользуясь закрытіями мѣстности, бригада Болонья была выдвинута впередъ. Въ то же время къ казино Алтавила, по берегу моря, были придвинуты батареи подъ прикрытіемъ баталіона 2-го гренадерскаго полка и 14-го баталіона берсальери. Для обвѣхъ батарей были устроены эполементы. Прочія войска были расположены сзади, въ резервъ.

Вслѣдъ за этими распоряженіями, непріятель не замедлилъ открыть съ люнета огонь, хотя медленный, но хорошо направленный.

Со стороны пьемонтцевъ отвѣчали обстрѣливаніемъ съ моря Монте-Гардетто, а съ сухаго пути—люнета Пелаго.

Пальба продолжалась всю ночь. Двѣ батареи осыпали люнетъ, который съ своей стороны отвѣчалъ сильнымъ огнемъ.

Напасть открытою силою на люнетъ Пелаго не рѣшились, потому что на флангѣ деревня Піетра-делла-Кроче была занята непріателемъ.

На лѣвомъ флангѣ, въ Монтаньоло, генераломъ Чальдини была поставлена батарея изъ 12 нарѣзныхъ орудій, которыя открыли огонь по городу. Замѣтивъ, что люнетъ Скрима оставленъ, Чальдини приказалъ занять его, ночью, 22-му баталіону берсальери и послалъ туда артилерію. Непріятель направилъ на этотъ люнетъ сильный огонь; но онъ не наносилъ особеннаго вреда занявшимъ его пьемонтцамъ. Въ ночь на 26-е, горжа люнета Скрима была закрыта траншеею, за которой поставлена

батарея въ 12 орудій, открывшая утромъ огонь по укрѣпленному лагерю и по укрѣпленіямъ Лазаретто и Борго-Ша.

Тогда противъ люнета Скрима былъ открытъ сильный огонь изъ укрѣпленнаго лагеря и траншея въ горжѣ была почти уничтожена выстрѣлами; но пьемонтскіе артиллеристы, одушевленные храбростію своихъ офицеровъ, держались упорно. Артиллерійскій полковникъ Франчини, во время самой сильной пальбы, ходилъ по брустверу.

Это обстоятельство неволью перенесло мои воспоминанія къ Севастополю. Пріѣзжавшіе туда навремя офицеры искали сильныхъ ощущений, которыя должны были отыскиваться для этихъ гостей находившимися въ Севастополѣ постоянно и потому имѣвшими право считать себя какъ бы его хозяевами. Пріѣхалъ адъютантъ генерала Лидерса, Аммосовъ. Ночью 25-го мая мы пошли съ гостями въ траншею предъ третьимъ бастиономъ, часть которыхъ занималъ командуемый мною тогда Владимірскій полкъ. Была тишина: ни одного выстрѣла, къ великой досадѣ Аммосова. Я замѣтилъ ему, что есть средство эту тишину обратить въ огненный адъ: стоитъ только привезти въ траншею маленькую мортирку и произвести изъ нея выстрѣлъ, что на усвоенномъ нами языкѣ называлось *сдѣлать скандалъ*, на который я не имѣю права безъ разрѣшенія главнаго начальника отдѣла. Войсками Корабельной стороны командовалъ генералъ Жабокрицкій, одинъ изъ ревностныхъ дѣятелей при защитѣ Севастополя, находившійся въ то время на Малаховомъ курганѣ. Несмотря на всѣ его благоразумные доводы, мы упорно отстаивали нашу просьбу: генералъ согласился. Мы вернулись въ траншею, нашли капитана 2-го ранга Будищева, завѣдывавшаго обороною 3-го бастиона, и объявили ему свое намѣреніе. Онъ встрѣтилъ очень любезно Аммосова, указалъ на 300 человекъ, очень спокойно устраивавшихъ траверсъ, и замѣтилъ, что при открытіи огня они или должны будутъ оставить работу, или потерпѣть большую потерю. Но, наконецъ, и Будищевъ не устоялъ противъ убѣдительныхъ просьбъ Аммосова: рабочіе отпущены, мортирка привезена, выстрѣлъ сдѣланъ. Въ отвѣтъ на него, открылся сильнѣйшій огонь по всей непріятельской линіи: батареи противника, какъ бы ожили, и разразились противъ нашего люнета. Будищевъ и Аммосовъ, облокотившись на брустверъ, гордо смотрѣли другъ на друга: ни морякъ, ни сухопутный не сморгнули глазомъ. Убѣжденія мои, что это, по крайней мѣрѣ,

не умно, остались безплодными. Когда огонь прекратился, они оставили свою горделивую позу и возвратились въ крѣпость, преисполненные уваженія другъ къ другу.

Нѣтъ Севастополя, нѣтъ храбраго Будищева, Аммосовъ оставилъ военную карьеру; все прошло, какъ сонъ тяжелый, но въ высшей степени занимательный....

Подъ Гаэтой Чальдини сказалъ мнѣ: „Вамъ пріятно вспоминать о Севастополѣ? Всякое воспоминаніе о городѣ, который вы такъ храбро, такъ геройски, такъ безпримѣрно защищали, должно возбуждать въ васъ самыя возвышенныя, самыя пріятныя чувства. Я доставлю вамъ это удовольствіе“. Едва прикоснулись къ двумъ телеграфнымъ проволокамъ, проведеннымъ въ штабъ двухъ дивизій, осаждавшихъ городъ, какъ огонь начался со всѣхъ пьемонтскихъ батарей, на который съ живостію начали отвѣчать изъ Гаэты. Было нѣкоторое подобіе севастопольскаго огня.

Но я увлекся. Или писать воспоминанія о Севастополѣ или описывать походъ пьемонтцевъ. Займемся же нашимъ дѣломъ.

До сего времени огонь, по отдаленности батарей, несмотря на свою живость, не наносилъ большаго вреда ни люнетамъ Пулито и Пелаго, ни городу; надобно было перенести батареи на ближайшее разстояніе.

Рѣшено было построить батарею лѣвѣе казино Алтавила и, чтобы обезопасить рабочихъ, выгнать непріятеля изъ Піетраделла-Кроче, для чего и были туда направлены, въ десять часовъ утра (*), 39-й пѣхотный полкъ и 23-й баталіонъ берсальери, поддержанные 40-мъ пѣхотнымъ полкомъ и 25-мъ баталіономъ берсальери. Непріятель, оцѣнивъ важность устраиваемой батареи, открылъ по ней сильный огонь и сдѣлалъ вылазку, съ цѣлію разрушить начатыя работы, но былъ отбитъ частями 39-го и 40-го полковъ, находившихся на аванпостахъ, и преслѣдованъ до самаго гласиса люнета Пелаго. Этимъ моментомъ пьемонтцы воспользовались и направили туда всю бригаду Болонья съ 23-мъ и 25-мъ баталіонами берсальери. Гарнизонъ Пелаго, встрѣтивъ войсва безпорядочнымъ ружейнымъ огнемъ и нѣсколькими пушечными выстрѣлами, оставилъ люнетъ со всѣми пушками: пьемонтцы радостными восклицаніями привѣтствовали водруженное на немъ знамя 39-го полка. Но они

(*) Вообще атаки пьемонтцевъ начинались поздно: прежде надо было напиться кофею.

не ограничили этимъ своего пресѣдованія, атаковали палсію войска до люнета Пулито, на которомъ вскорѣ развѣвалось знамя 40-го полка. Съ большимъ трудомъ были удержаны пьемонтскія войска, устремившіяся уже къ люнету св. Стефана, который, по постройкѣ своей, представилъ бы большія затрудненія.

Такъ пишутъ въ реляціи, но на самомъ дѣлѣ пьемонтцы были отбиты. Люнетъ св. Стефана былъ не только сильнѣе Пулито и Пелаго, но и хорошо фланкированъ изъ укрѣпленнаго лагеря и Гардетто.

Считали болѣе благоразумнымъ утвердиться въ люнетѣ Пулито: его заняли 39-мъ полкомъ; два баталіона берсальери поставлены были по правую сторону этого люнета, 40-й полкъ по лѣвую и одна рота берсальери въ горжѣ люнета, на случай, если бы палскія войска сдѣлали попытку взять обратно это укрѣпленіе. Между тѣмъ, 14-й и 16-й баталіоны берсальери и гренадерская сардинская бригада быстро придвинулись въ резервъ къ люнету Пелаго. При началѣ этой атаки, часть деревни Пітра-делла-Кроче оставалась въ рукахъ войскъ гарнизона. Капитанъ Кастелла пресилъ Ламорисьера позволить ему со своимъ баталіономъ очистить всю деревню. Скоро увидѣлъ Кастелла, что за нимъ никто не слѣдуетъ: солдаты его въ своемъ бѣгствѣ увлекли и тѣхъ, которые оставались для защиты части деревни, еще невзятый пьемонтцами.

Съ Гардетто, съ капудинской стѣны и съ цитадели открыли такой сильный огонь по люнету Пулито, что въ немъ становилось трудно держаться.

Чальдини, наблюдая за движеніемъ войскъ 5-го корпуса, послалъ съ своей стороны 11-й баталіонъ берсальери, который бросился съ горжи на люнетъ Пелаго въ то время, когда бригада Волонья атаквала его съ фронта. Въ своемъ рапортѣ Чальдини говоритъ, что, будучи весьма далекъ отъ того, чтобы не придавать настоящей цѣны общему нападенію бригады Волонья на люнетъ Пелаго, онъ не можетъ умолчать, что посланный имъ баталіонъ, напавшій на войска, защищавшія этотъ люнетъ, съ тыла, много содѣйствовалъ успѣшнѣйшему овладѣнію укрѣпленіемъ. Офицеръ, командовавшій защитниками люнета, видя себя атакованнымъ значительными силами, приказалъ артилеріи запретъ лошадей и двинуться въ крѣпость; но она была остановлена 11-мъ баталіономъ, подержавшимъ атаку бригады Волонья. Гарнизонъ люнета Пу-

лито—три роты съ артилеріею—видя паденіе люнета Пелаго, оставилъ свое укрѣпленіе и скрылся безпрепятственно въ крѣпости.

Замѣтивъ, что на люнетъ Пулито непріятель сосредоточилъ со всѣхъ крѣпостныхъ укрѣпленій сильный огонь, Чальдини предположилъ, что сдѣлаеть весьма полезную диверсію, быстро занявъ предмѣстье Піа, и ставъ, такимъ образомъ, у самыхъ воротъ города.

Полковникъ Піола, начальникъ штаба Чальдини, бросился съ 7-мъ баталіономъ берсальери, подъ огнемъ укрѣпленнаго лагеря, въ предмѣстье Піа, овладѣлъ имъ и привелъ его въ оборонительное положеніе. Въ ночь на 27-е туда были посланы еще два баталіона берсальери, 6-й и 12-й; они были хорошо снабжены патронами, съѣстными припасами и получили приказаніе держаться въ этомъ пунктѣ, во чтобы то ни стало.

Потеря люнета Пелаго вредно отразилась на нравственныхъ силахъ гарнизона. Этому укрѣпленію придавали болѣе важности, нежели оно заслуживало: его называли ключемъ крѣпости, и со страхомъ передавали одинъ другому, что въ 1840 году крѣпость должна была сдаться австрійцамъ, лишь только они овладѣли Пелаго. О французской арміи не было и помину; ни одинъ австрійскій парусъ не видѣлся по направленію изъ Триеста; даже не было ни одного военного корабля, которые обыкновенно посылаются великими державами къ блокированнымъ морскимъ крѣпостямъ, для покровительства своимъ консуламъ.

Осадный паркъ прибылъ въ Пулито; тамъ устроили мортирную батарею для обстрѣливанія города и сорока-фунтовую наръзную и единорожную, предназначенную для обстрѣливанія люнета св. Стефана. Предъ Піетра-делла-Кроче была выставлена батарея, для обстрѣливанія укрѣпленія Гардетто.

Послѣ обѣда, 27-го сентября, упавшая въ укрѣпленіе Лазаретто бомба зажгла строенія, гдѣ находились склады одежды. Гарнизонъ немедленно оставилъ Лазаретто, который и былъ занятъ, въ ночь съ 27-го на 28-е, 6-мъ баталіономъ берсальери, бросившимся впадь чрезъ рукавъ моря, отдѣляющій Лазаретто отъ предмѣстья со стороны Борго-Піа. Въ эту же ночь адмиралъ Персано, съ нѣсколькими судами, пытался, но безуспѣшно, разорвать цѣпь, соединявшую молы.

28-го, утромъ, Ламорисьеръ направилъ на предмѣстье и Лазаретто огонь всѣхъ сосѣднихъ батарей. Берсальери понесли

большую потерю, но не оставляли занятыхъ пунктовъ. Фанти предложилъ адмиралу Персано атаковать батареи на молѣ, которыя болѣе всѣхъ беспокоили пьемонтцевъ.

Въ часъ пополудни, четыре парохода: „Карлъ-Альбертъ“, „Викторъ-Эммануилъ“, „Говерноло“ и „Конституція“, стали противъ сильной казематированной батареи на молѣ, въ два ряда орудій. Всѣ батареи изъ крѣпости направили огонь противъ этихъ пароходовъ; изъ нихъ „Викторъ-Эммануилъ“ на всѣхъ парахъ подошелъ ко входу въ гавань и, приблизившись на 150 шаговъ къ казематированной батарее, далъ залпъ. Черезъ нѣсколько минутъ, густые клубы дыма поднялись съ батареи, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ оглушительный взрывъ. Одна изъ бомбъ попала въ амбразуру батареи, проникла въ пороховой магазинъ, взрывъ котораго разрушилъ совершенно батарею и стѣну, съ прикованною къ ней цѣпью, соединявшею молы, а съ этимъ уничтожилась и вся защита со стороны моря.

Въ четыре съ половиною часа пополудни, въ крѣпости было выставлено бѣлое знамя. Такъ какъ пьемонтскія батареи были всѣ готовы, то генералъ Фанти, подождавъ нѣсколько часовъ парламентаря, приказалъ, если не будетъ отъѣзны, въ десять часовъ открыть огонь съ Пулито, Пелаго, Кіеза-делле-Граціе, а на другой день генералы делла-Рокка и Чальдини должны были съ двухъ сторонъ штурмовать городъ.

Къ Фанти, для переговоровъ, былъ посланъ маіоръ Маура, комендантъ крѣпости, отыскавшій его только въ двѣнадцать часовъ ночи. Вотъ причина, по которой, несмотря на развѣвавшееся бѣлое знамя, городъ былъ бомбардированъ.

Маіоръ Маура не былъ снабженъ никакимъ документомъ полномочія отъ Ламорисьера и передалъ на словахъ, что Ламорисьеръ расположенъ сдать крѣпость на капитуляцію. Фанти изъявилъ согласіе войти въ переговоры, но отказался отъ всякаго перемирія и объявилъ, что прекратить огонь только тогда, когда капитуляція будетъ подписана. Фанти, въ письмѣ своемъ къ Ламорисьеру, обратилъ вниманіе послѣдняго на то, что по перехваченнымъ телеграммамъ извѣстно, что въ его рукахъ находится большое количество денегъ, принадлежащихъ папскому правительству, которыя, по правамъ войны, должны быть отданы пьемонтцамъ.

Только въ десять часовъ утра возвратились парламентары съ полномочіемъ отъ Ламорисьера.

Между тѣмъ, на лѣвомъ флангѣ берсальери завладѣли воротами предмѣстья Піа, а на правомъ воротами Каламо.

При возобновленіи переговоровъ, парламентареры Ламорисьеры, объявивъ, что они не уполномочены принять условія, обязывающія гарнизонъ, по выходѣ изъ крѣпости съ военными почестями, положить оружіе и быть отправленными въ Пьемонтъ, возвратились за утвержденіемъ къ Ламорисьеру. Въ половинѣ втораго пополудни, они привезли копію условій, принятыхъ Ламорисьеромъ, и огонь по крѣпости былъ прекращенъ.

Условія сдачи крѣпости обѣими сторонами были подписаны 29-го сентября, въ два часа пятьдесятъ минутъ пополудни.

Того же самаго числа, въ 1799 году, французы сдѣлали вылазку изъ Анконы и разбили австрійцевъ, расположенныхъ на мѣстѣ войскъ делья-Рокка. Русскіе дѣйствовали съ моря и со стороны предмѣстья Піа. Черезъ недѣлю прибылъ къ Анконѣ австрійскій генералъ Фрелихъ съ сильнымъ отрядомъ и началъ переговоры съ гарнизономъ тайно отъ русскихъ. Переговоры длились цѣлый мѣсяць, русскіе усердно сражались, и вдругъ, къ удивленію своему, увидѣли на стѣнахъ крѣпости австрійскій флагъ.... Поднятый въ это время на молѣ русскій флагъ былъ снятъ насильственно австрійцами, по приказанію Фрелиха. Это обстоятельство справедливо прогнѣвило императора Павла I. Австрійское правительство отдало подъ военный судъ генерала Фрелиха; но честь флага была оскорблена, и холодныя отношенія между дворами прекратились только въ царствованіе императора Александра I.

Мы, русскіе, часто къ явному ущербу собственныхъ интересовъ, незлопамятны; но каждый пишущій о событіяхъ, театромъ которыхъ служатъ мѣстности, бывшія свидѣтелями дѣйствій нашихъ съ австрійцами, не исполнить своего долга, если при всякомъ удобномъ случаѣ не припомнить о традиціонной двусмысленной политикѣ Австріи въ отношеніи Россіи, и что союзы съ Австріей клонились постоянно ко вреду нашего отечества.

Кто не помнитъ той непріязни, съ какою русскіе смотрѣли на австрійцевъ во время венгерской кампаніи? Она понятна въ офицерахъ, въ которыхъ могли поселить ее знанія историческія; но въ солдатахъ—не народный ли это, никогда необмывающійся, истинный?

На другой день послѣ подписанія капитуляціи Ламорисьеры-

ромъ, папскій гарнизонъ, въ числѣ трехъ генераловъ, 348 офицеровъ и 7,000 солдатъ, вышелъ изъ крѣпости, положилъ оружіе и сдался военноплѣннымъ. Въ крѣпости было взято 154 орудія, изъ которыхъ двѣ полевыя батареи, два парохода и 1,125,000 франковъ.

Съ паденіемъ Анконы кончилась двухнедѣльная кампанія, доставившая пьемонтцамъ славу побѣдителей Ламорисьера, 200 орудій, 20,000 ружей и до 20,000 плѣнныхъ. Все это было куплено цѣною весьма небольшихъ потерь: въ продолженіе всей кампаніи у пьемонтцевъ вышло изъ фронта ранеными и убитыми 49 офицеровъ и 579 солдатъ, почти по ровному числу какъ въ войскахъ Чальдини, такъ и въ войскахъ дельла-Рокка.

Ламорисьеръ сдался адмиралу Персано и переѣхалъ къ нему на корабль. Пьемонтцы поспѣшили дать ему свободу, понимая, какъ непріятно было бы для французовъ знать, что ихъ генералъ, приобрѣтшій себѣ громкое имя, находится въ плѣну.

Въ Парижѣ смѣялись надъ этимъ; но въ самыхъ шуточныхъ стихахъ просвѣчивало негодованіе:

Mon cher Maurice, en vérité
 Tu me trompes moi: ta Jeanette,
 A la voisin à coté
 Hier soir tu a conté fleurette.
 A! que déboire amer!
 Ton injustice
 Fait mon supplice;
 Je te croyais le coeur plus fier,
 Qu'a tu fais là, *Maurice, hier!*

Безспорно то, что Ламорисьеръ взялъ на себя разрѣшеніе трудной задачи—защищать папскія владѣнія не съ войскомъ, а со сбродомъ людей, неимѣвшихъ ни дисциплины, ни военного духа, ни военного образованія. Но его пригласили не только какъ храбраго солдата, но какъ администратора и организатора, какимъ онъ показалъ себя въ Алжирѣ, гдѣ онъ отличался необыкновенною дѣятельностію, занимался всѣми подробностями управленія и постоянно былъ съ войсками, являясь тамъ, гдѣ болѣе требовалось его присутствіе. Онъ пользовался замѣчательною любовію войскъ, а съ такимъ двигателемъ можно много сдѣлать и съ горстью людей. Это позволяло ему пренебрегать и усталостію, и лишеніями солдатъ. Ко-

нечно, начальствуя папскими войсками, Ламорисьеръ былъ совершенно въ другихъ условіяхъ; но куда дѣвались его находчивость, быстрота, смѣлость и точность соображеній, которыми онъ всегда отличался? Войска его были раздѣлены на малые отряды. Если вообще хорошее войско для успѣха требуетъ совокупныхъ дѣйствій, то еще болѣе требовало того состоявшее у него подъ начальствомъ. Онъ думалъ дѣйствовать только противъ сборищъ Гарибальди; но эти сборища уже одерживали верхъ надъ неаполитанскими регулярными войсками. Устояли ли бы папскія войска противъ сборища Гарибальди? Отъ главнокомандующаго требуется умѣнье вѣрно оцѣнить политическія отношенія государствъ, и потому Ламорисьеръ долженъ былъ предугадать, къ чему стремятся пьемонтцы. По всѣмъ предшествующимъ событіямъ къ этому не представлялось особыхъ трудностей.

Въ полѣ, противъ регулярныхъ войскъ, онъ не могъ надѣяться на успѣхъ; стало быть, ему слѣдовало или заранѣе войти въ Анкону, заняться приведеніемъ ея въ возможность выдержать продолжительную осаду, или стать подъ прикрытіемъ французскихъ войскъ. Непремѣнно надо было выигрывать время: политическія обстоятельства могли измѣниться. Слѣдовало затянуть развязку, вида, въ какую моду начали входить въ политику европейскихъ державъ *des faits accomplis*, совершившіеся факты. Если бы Ламорисьеръ не потерялъ всего войска папы, фактъ бы еще не совершился и пьемонтцы не имѣли бы свободной дороги въ Неаполь.

Что же сдѣлалъ Ламорисьеръ? Едва показались пьемонтцы, онъ спѣшилъ въ Анкону, чтобы вскорѣ положить предъ ними оружіе и дать имъ полную возможность продолжать свое побѣдоносное шествіе въ Неаполь.

Лучше бы было для славы Ламорисьера, если бы онъ не бралъ на себя неблагоприятной роли главнокомандующаго папскихъ войскъ.

Баронъ НИКОЛАЙ ДЕЛЬВИГЪ.

Г. Кременецъ.
7-го января 1866 г.